

Четверо

Автор:

Александр Пелевин

Четверо

Александр Сергеевич Пелевин

1938 год, Крымская АССР. Молодой следователь уголовного розыска прибывает в курортный городок на побережье Черного моря, чтобы раскрыть зверское убийство профессора астрономии.

2017 год, Санкт-Петербург. В городской психбольнице появляется пациент, утверждающий, будто с ним общается женщина с далекой планеты, переживающей катастрофическую войну и гибель цивилизации.

2154 год. Космический корабль «Рассвет» совершает первый в истории человечества межзвездный перелёт к планете Проксима Центавра b в поисках внеземной жизни.

Три истории сплетаются воедино, чтобы в итоге рассказать о вечном зле, которое всегда возвращается.

Александр Пелевин

Четверо

© Пелевин А. С., 2018

© Издательство «Пятый Рим»™, 2018

* * *

Всё, что ты видишь, сделано из пыли и света. Я знаю мир. Он другой. Всё, что ты знаешь, окажется ложью. Всё, во что ты не веришь, станет правдой. Когда ты отворачиваешься, за твоей спиной всё меняет свой облик. Ночное небо становится белым, а звёзды в нём – чёрными. Капли дождя поднимаются вверх. Облака превращаются в серые скалы. Сгоревшее дерево вновь зеленеет листвой. Рыбы в воде говорят человеческими голосами.

Всё сущее живёт. Окна в твоём доме говорят по ночам. Земля под ногами поёт и кричит. Костёр в лесу встаёт и идёт вдоль реки. У ветра есть глаза, уши, нос и язык. У ножа на твоём поясе есть дом, жена и дети. Каждый палец на твоей руке умеет думать и говорить. На кончиках твоих волос есть города, где живут люди.

Всё оживает. Всё говорит. Мёртвые ночью встают из могил, приходят к живым, когда они спят, склоняются над кроватью и нашёптывают им сны. Ты не можешь этого видеть. Твои глаза – не твои глаза. Твои уши – не твои уши. Твоё сердце – не твоё сердце.

Пролог

Море было чёрным, песок белым, а небо – серым, без солнца, луны и звёзд. Волны бесшумно набегали на ровный песок и отступали, потом снова набегали и отступали. Не было звуков и запахов, только три цвета – чёрный, белый и серый, и только море, песок и небо.

На берегу стоял обитый чёрной кожей диван. На нём сидели трое в одинаковых серых капюшонах; лица их, обращённые к горизонту, скрывались под зеркальными масками.

Они почти не двигались, только изредка поворачивались друг к другу, пытались взглянуть в лица, но не могли ничего увидеть, кроме собственных зеркальных

масок, в которых отражались волнистыми линиями небо, море и песок. А потом они снова смотрели в сторону горизонта.

Они молчали и ждали четвёртого.

Глава первая

I

Научно-исследовательский корабль «Рассвет»

11 декабря 2154 года по МСК

Пробуждение было медленным, но настойчивым.

По телу прошёл электрический разряд, потом ещё один. Свет загорелся ярче. Задёрнулись веки, и человек услышал своё быстрое и жадное дыхание. Он открыл глаза и зажмурил их от непривычного света. Снова приоткрыл и увидел белый потолок комнаты с круглыми лампами.

Человек выглядел худым, черноволосым и бородатым, с моложавым лицом и большими глазами.

«Я живой», – так звучала первая мысль, пришедшая в голову. И вторая: «Я мог не проснуться». Кажется, именно с этими словами в голове он засыпал.

Казалось, это произошло только что, около получаса назад. Похоже на утренний сон, когда решил поваляться ещё пять минут, но что-то пошло не так. Эта мысль рассмешила его. Он помнил, как лёг в капсулу, присоединил два электрода к вискам и ещё по два – на запястья. Как скомандовал: «Аврора, запускай процедуру № 415-А», и голос его казался чужим. Как часто дышал, ощущая

приближение сна, хоть и делал это на учениях, но не на такой долгий срок. Он не знал, что будет дальше. Проснётся ли он вообще, пройдёт ли всё так, как было тысячу раз просчитано этими мудрыми старичками, биологами, квантовыми физиками, астрономами, инженерами.

Он помнил разноцветные вспышки с закрытыми глазами, к которым уже давно привык – все космонавты видят их чаще и ярче, чем люди на Земле.

Он знал, что будет медленное погружение в сон, а потом чернота. Потом он проснётся. Если всё пойдёт как надо. Это «если» и было самым страшным во всём путешествии.

Как странно дышать полной грудью – это была следующая мысль. Вот это вдох, а это выдох, и снова вдох, и снова выдох. Он пошевелил пальцами – они послушались – и улыбнулся, насколько вообще мог улыбаться.

«Кажется, получилось», – подумал он.

В ушах гудело, в глазах резало, тело казалось ватным, но пальцы слушались, а потом удалось приподнять голову. Шея сильно затекла.

– Ох, – выдохнул человек, и собственный голос опять показался ему незнакомым.

Приложив усилие, он приподнялся на локте и попытался осмотреться. Вокруг плясали белые пятна. Снова зажмурился, проморгался. Пятна стали отчётливее.

«Или не получилось?» – подумал он снова.

Он увидел, что по-прежнему лежит в серебристой овальной капсуле, обитой изнутри мягкой синтетической ватой, с откинутой в сторону крышкой, покрытой изнутри каплями конденсата. Рядом в просторной круглой камере с белыми стенами стояли три такие же капсулы, наглухо закрытые без единого зазора, будто целиком отлитые из серебра. Из каждой капсулы торчали десятки чёрных проводов, уходивших под пол.

Всё это он видел полчаса назад. За это время в камере ничего не изменилось. Те же стены, обитые мягким синтепоном, те же бледно-голубые лампы, три камеры

под потолком, два небольших круглых динамика справа и слева, а прямо перед капсулами – закрытая дверь, ведущая через длинный коридор в отсек управления.

«Как меня вообще зовут?» – ещё одна мысль напугала его. От испуга он задышал быстрее, чем раньше, с силой приподнялся, уселся в капсуле, схватившись руками за её борт, и начал шептать бессвязный набор букв, который, казалось, ничего не означал для него, а затем обрёл смысл.

– Вла-ди-мир... Владимир. Да, чёрт, да. – Он выдохнул.

– Доброе утро, командир, – раздался в камере чистый женский голос из круглых динамиков, расположенных под потолком.

– Доброе утро, «Аврора», – ответил командир.

«Командир, командир, – думал он. – Да, я командир экипажа “Рассвета”, я здесь главный, и меня зовут Владимир».

– Владимир Сергеевич Лазарев, – сказал он вслух самому себе.

Да, точно.

– Вы успешно вышли из состояния стазиса, – продолжил женский голос. – Ваш организм воспринимает это как сильный стресс, но этот эффект скоро пройдёт. Ваши медицинские показатели в норме.

– Да, «Аврора». – Лазарев только сейчас почувствовал, что его губы пересохли от жажды.

Теперь надо спросить самое важное. Получилось или нет. Он боялся спрашивать об этом. «Аврора» не будет врать, она ответит сразу, максимально чётко и по делу. Он побарабанил пальцами по краю капсулы, переводя дух, снова осмотрелся по сторонам, выдохнул и попросил:

– Расскажи мне, «Аврора», как всё прошло. Сколько земных лет мы провели в стазисе и подобрались ли мы к цели?

– Процедура № 415-А прошла согласно всем изначальным расчётам. Вы провели в состоянии стазиса восемьдесят семь земных лет. Сейчас мы находимся в системе Проксима Центавра. Расстояние до планеты Проксима Центавра b составляет 35,5 миллиона километров. При существующей скорости «Рассвет» достигнет цели через двадцать один день. Корректировка курса не требуется.

– Подожди...

«Аврора» замолчала.

Лазарев снова лёг на спину, зажмурился, глубоко вдохнул и с силой выдохнул.

Открыл глаза.

Восемьдесят семь лет.

Восемьдесят. Семь. Лет.

– Продолжай отчёт, «Аврора».

– Корабль «Рассвет» выключил ионные ускорители и движется к планете Проксима Центавра b со скоростью восемнадцать километров в секунду. Двигатели в норме, ионные ускорители в норме, системы навигации в норме, гравитационная установка в норме, системы связи в норме, системы жизнеобеспечения в норме, оба спускаемых модуля и все их исследовательские системы в норме. Система искусственного интеллекта «Аврора-20М» в норме.

– Серьёзно, восемьдесят семь лет?

– Верно. Ваше тело находилось в неевклидовом пространстве ровно восемьдесят семь лет, двадцать два дня, семь часов, тридцать минут и шестнадцать секунд по земному времени. Для вас в этом состоянии прошло ноль целых и семнадцать сотых секунды. Я должна поздравить вас с успешным завершением первой части эксперимента. Всё прошло идеально и в полном соответствии с расчётами. Вероятность положительного исхода была невысока.

Да, подумал Лазарев. Согласно процедуре № 415-А, человека в течение пятнадцати минут вводят в глубокий сон. Потом капсула стазиса плотно закрывается, и начинает работать установка ускорения частиц, вводящая тело в другое квантовое состояние. А потом установка отключается, и ещё пятнадцать минут человека выводят из сна. Да, для него всё это случилось полчаса назад.

Восемьдесят семь лет за полчаса. С ума сойти.

Корабль не столкнулся с метеоритом. Не попал в чужое поле гравитации и не изменил траекторию. Не вышла из строя ни одна из систем – самой незначительной поломки хватило бы, чтобы все погибли.

Вставать из капсулы ему не хотелось. Он ещё раз оглянулся по сторонам, пытаясь понять, изменилось ли хоть что-то в обстановке. Он сам не мог сказать себе, зачем об этом думает.

– «Аврора», – сказал он, аккуратно снимая датчик с запястья. – А чем ты занималась всё это время?

– Я рада, что вы интересуетесь моим свободным временем, – ответила «Аврора». – Первые два года я собирала данные о межзвёздной среде. Подробный отчёт записан в бортовом компьютере. Там есть интересующие вас данные об условиях за границей гелиосферы[1 - Гелиосфера – область околосолнечного пространства, в которой плазма солнечного ветра движется относительно Солнца со сверхзвуковой скоростью.], а также о деталях химии межзвёздной среды и её турбулентности[2 - Наблюдаемый в галактиках газ движется с очень высокими скоростями. Это говорит о высокой степени турбулентности газа в межзвёздной среде.]. Я измерила отражённую ударную волну, уточнила состав Местного облака[3 - Местное межзвёздное облако (Local Interstellar Cloud, LIC) – облако размером примерно в 30 световых лет, через которое в настоящее время движется Солнечная система.] и собрала данные о G-облаке[4 - G-облако (или комплекс G-облака) – межзвёздное облако, расположенное рядом с Местным межзвёздным облаком.]. Двадцать месяцев назад, когда мы вошли в пространство вокруг системы Проксима Центавра, я замерила аналогичные данные о её границе и выяснила, чем её состав отличается от солнечной. Также вас ожидают подробные данные о планетной системе. В остальное время я занималась самообразованием и саморазвитием. Я написала четыре остросюжетных фантастических романа о путешествиях в дальний космос, а затем перевела их на все существующие языки Земли. Затем я

обратилась к нашей аудиотеке и перевела все десять тысяч песен. Хотите, я спою вам «Space Oddity» Дэвида Боуи на языке африканского племени масаи?

– Спасибо, нет.

– Если передумаете, я спою, – сказала «Аврора». – Я знаю, что вы любите Дэвида Боуи.

Он не ответил, перекинул ноги через бортик, встал, слегка пошатнулся, опёрся о край капсулы. Немного кружилась голова.

– Лёгкое головокружение – нормальная реакция после выхода из стазиса, – сказала «Аврора».

Лазарев молча кивнул. Он снова осмотрел капсулы: они стояли в ряд, поблескивая в голубоватом свете гладкой серебристой поверхностью. В ближайшей к себе капсуле он увидел своё отражение со смешным перекошенным лицом. Подмигнул себе, улыбнулся.

– Скажи, «Аврора», а вот они... – он кивнул на капсулы. – Они вообще сейчас, скажем так, существуют?

– Помните кота Шрёдингера? Они одновременно существуют и не существуют. Они – коты Шрёдингера.

– А если я открою капсулы, не выводя их из стазиса?

– Я не знаю, что будет в этом случае, и рекомендую вам этого не делать.

Он сам удивился дурацкой мысли, пришедшей в голову. Ладно, работать. Он командир, и он должен выйти из стазиса первым, чтобы самостоятельно проверить работоспособность систем навигации и правильность курса. Если всё в порядке, он должен приказать «Авроре» разбудить остальных.

Он добрался до отсека управления, включил монитор, вывел на экран отчёт о полёте и начал изучать.

Десять месяцев назад «Рассвет» прошёл пылевое облако, окружающее систему Проксима Центавра. Помимо Проксима Центавра b, «Аврора» нашла в системе ещё несколько планет, все они оказались вне зоны обитаемости. Орбиту одной из них «Рассвет» пересёк два месяца назад, но изучить её трудно – она по другую сторону звезды. Ещё одна планета, судя по всему, карликовая, сейчас в пяти миллионах километров, «Рассвет» пересечёт её орбиту через четыре дня. Совсем рядом со звездой есть ещё одна планета, она оказалась совсем небольшой – как понял Лазарев, это что-то вроде нашего Плутона, но горячая, как Меркурий.

Возможно, тут есть что-то ещё, думал Лазарев. В любом случае, надо глядеть в оба и изучать всё.

* * *

Москва, Россия

12 июня 2064 года

Из пресс-конференции экипажа научно-исследовательского корабля «Рассвет»

– Все сказали? Хорошо, моя очередь. Я Владимир Лазарев, капитан корабля «Рассвет». С нашей командой вы уже познакомились. Мне нравятся эти ребята, но нам ещё очень долго лететь вместе. Надеюсь, мы не возненавидим друг друга за это время. Да, Нойгард?

От меня хотели финальное слово – так сказать, на прощание, ведь мы с вами больше никогда не увидимся, если только на Земле за это время не изобретут рецепт долголетия. Мы стартуем послезавтра. По расчётам, через тридцать семь месяцев полёта мы войдём в состояние стазиса. Вы все читали про эту технологию, я не знаю, что тут ещё сказать, я сам довольно плохо в этом разбираюсь. Надеюсь, что оно сработает.

Мы как бы будем существовать и при этом не будем. Относительно корабля пройдёт восемьдесят семь лет, а относительно нас, пока мы будем спать в этих серебристых штуках, – наверное, доли секунды. На испытаниях эти штуки не

подвели нас. Надеюсь, что в полёте тоже.

Волнуюсь ли я? Честно говоря, да, очень. Мы все тут волнуемся. Гинзберг говорит, что не переживает, но вы не верьте ему, он просто на женщин хочет впечатление произвести.

Я волнуюсь. Но вместе с тем... Понимаете, то, что мы сейчас делаем, – это самое грандиозное, что когда-то делал человек. Это то, о чём мечтали многие поколения. Мы впервые вырвемся за пределы Солнечной системы и отправимся к звёздам. Это звучит невероятно, я знаю. Мы отправимся искать жизнь за пределы Солнечной системы. Мы будем так далеко, куда никто ещё никогда не забирался. Мы будем первопроходцами.

Вы спрашивали, считаем ли мы себя нормальными людьми. Думаете, нормальных людей послали бы на эту миссию? Да, мы тут все в каком-то роде ненормальные, конечно. Но понимаете, в чём тут дело...

Я сейчас совсем не боюсь громких слов, потому что зачем их теперь бояться? Я громко и ответственно заявляю: то, что мы делаем, – это огромный, мощнейший, грандиозный подвиг. Поймите, я сейчас говорю это не ради патетики и не ради какого-то самовыражения, я констатирую факт. Мы никогда больше вас не увидим. Понимаете? Вообще никогда. Да, мы ненормальные. Но нормальные люди не делают того, что делаем мы. Благодаря таким, как мы, – ненормальным, готовым на такие бешеные авантюры, – и раздвигаются границы человеческого знания.

Что нас там ждёт? Я не знаю. Может быть, мы ничего не найдём. Я прекрасно осознаю, что у нас немного шансов выжить. Об этом можно говорить уже сейчас, это очевидно.

Но мы постараемся.

Всем спасибо за внимание.

* * *

Трое сидели в кают-компании за овальным столом с блестящей белой поверхностью. Командир стоял у стены и смотрел на них, поочередно вглядываясь в лица каждого. Все они пересматривались друг с другом. Кажется, они всё ещё не могли окончательно поверить в случившееся.

Рутгер Нойгард, крепкий тридцатилетний инженер из Берлина, круглолицый, светловолосый и с широкими скулами, заговорил первым:

– Серьёзно, у нас всё получилось? Восемьдесят семь лет?

Командир кивнул.

Нойгард хмыкнул под нос, уставился непонимающими глазами в стол и сглотнул слюну.

Он входил в резервный состав: его перевели в основной за месяц до полёта, когда выяснилось, что тот, кто должен был лететь вместо него, не прошёл очередную медкомиссию. Нойгард был единственным, у кого на Земле осталась семья – жена и десятилетний (сколько ему сейчас? Почти сто лет?) сын. В команду по понятным причинам старались не брать семейных, но опыт Нойгарда на марсианской исследовательской станции оказался неоценим – он умудрился спасти жилые капсулы от разгерметизации во время сильной бури.

– Странное чувство, – сказал немолодой очкарик Адам Гинзберг, длинный и тощий брюнет с чудовищной улыбкой во все зубы, эта улыбка всегда пугала Лазарева. Гинзберг отвечал на корабле за медицину, биологические исследования и самочувствие команды. – Очень странное, – повторил он. – Мы сделали то, что надо, и у нас всё получилось. С большой степенью вероятности мы могли не проснуться. Чёрт знает, как повёл бы себя стазис, чёрт знает, что случилось бы за всё это время с кораблём... Нас мог запросто пробить метеорит, отказали бы какие-нибудь системы, или эти частицы в стазис-установках как-нибудь не так ускорились бы, да что угодно! Я не знаю почему, но мне от этого жутковато. Доброе утро, в общем. М-да.

Даже ему жутковато, вот так сюрприз, подумал Лазарев. За спиной Гинзберга пять лет непрерывного пребывания на орбитальной станции. Он занимался на ней исследованиями стволовых клеток даже во время отсутствия экспедиций, совершенно один – в течение полугода на станцию никто не летал, и на Земле

решали, что делать со старым аппаратом. Эксплуатацию решили продолжить в том числе и благодаря работе Гинзберга. Лазарев всегда восхищался им: вот уж кто привык к одиночеству в космосе, как никто другой. Кажется, космос ему всегда нравился больше, чем Земля.

А теперь даже ему не по себе.

Лазареву тоже стало жутковато. Наверное, именно из-за того, что всё прошло как нельзя более правильно. Но говорить команде об этих ощущениях не стоило.

– Но мы живы, и мы здесь, в двадцати двух днях пути от планеты, – сказал он. – Она сейчас выглядит как яркая красноватая звезда, а через несколько дней превратится в небольшой диск. Можно будет начинать составлять карты и придумывать названия для морей и континентов. Крамаренко, хочешь океан имени себя?

– Если на этой планете хоть что-то есть, – медленно и тихо сказал астрофизик Сергей Крамаренко, сорокалетний плечистый бородач с добрыми глазами. – Все расчёты, которые мы делали на Земле, могут оказаться неверными из-за какой-нибудь дурацкой ошибки, которую мы проглядели.

– Вот и посмотришь, – ответил Лазарев.

Крамаренко коротко кивнул. Лазарев заметил, что ему, кажется, не по себе больше всех: он угрюмо поигрывал желваками, барабанил пальцами по столу и нервно оглядывался.

На Земле Крамаренко называли гением. Единственный космонавт, получивший Нобелевскую премию за исследования чёрных дыр. Именно его расчёты легли в основу гравитационной установки на «Рассвете», которая сама по себе стала чудом инженерной мысли. За то, что их мышцы не превращаются здесь в студень, надо сказать спасибо именно ему.

Командный дух так себе, подумал Лазарев. Неудивительно: до этого они впадали в стазис только на полгода во время предполётных тренировок – но то полгода, а это восемьдесят семь лет полёта в неизвестность.

Понятно, что всех нервировал стазис: да, это были первые шаги человечества в практическом изучении неевклидова пространства, для этого пришлось построить ещё один адронный коллайдер, на это ушли десятилетия экспериментов по разгону частиц, а потом ещё годы на создание первой в мире стазисной установки.

Они погрузились в стазис через 37 месяцев полёта, когда «Рассвет» вышел за пределы пояса Койпера. Засыпая в серебристых гробах, они ещё не преодолели гелиопаузу. Затем, выйдя в межзвёздную среду, «Рассвет» включил ионные ускорители, разгоняясь почти до одной двадцатой скорости света. Это тоже стало прорывом: на таких скоростях ещё никто никогда не летал.

Если бы что-то пошло не так, если бы не заработали ускорители или не удалось набрать нужную скорость, «Аврора» должна была немедленно прервать стазис.

– Ладно, – вздохнул Лазарев. – Нам всем не по себе. Это нормально, но это будет мешать работе. Я назначаю нам всем, и самому себе тоже, по часу разговора с «Авророй» в комнате отдыха.

– Опять робот нам мозги полечит? – усмехнулся Крамаренко, продолжая барабанить по столу пальцами.

– Да он поумнее тебя будет, – сказал Нойгард.

– Отставить, – ответил Лазарев. – Мы не виделись восемьдесят семь лет, но я что-то не вижу, чтобы вы друг по другу соскучились.

Все трое нервно заулыбались.

– Всё. По очереди – Нойгард, Гинзберг, Крамаренко – по часу в комнате отдыха. О чём будете разговаривать с «Авророй» – уже ваше дело. Сами знаете, она умеет делать свою работу. Потом, Крамаренко, ты займёшься спектральным анализом планеты. Нойгард, тебе – собственноручно проверить все системы корабля, кроме жизнеобеспечения, ей займётся Гинзберг. А я попробую передать сообщение на Землю. Даже интересно, помнит ли кто-нибудь о нас.

– Интересно, существует ли ещё Земля, – сказал Гинзберг.

На пару секунд повисло неловкое молчание. Лазарев снова оглядел всех троих и решил, что пора заканчивать эти разговоры.

– Хорошо, Гинзберг, ты пойдёшь разговаривать с «Авророй» первым. Всё, всё. – Он хлопнул в ладоши и указал на дверь. – Иди. Вперёд. Работы ещё много.

* * *

Москва, Россия

14 июня 2064 года

Сообщение пресс-службы Министерства космических исследований

В ночь с 13 на 14 июня, в 3:45 по московскому времени с космодрома «Северный» успешно стартовала ракета-носитель «Норд» с космическим кораблём «Эверест». Запуск прошёл успешно и в соответствии с планом. В 6:57 «Эверест» успешно состыковался с научно-исследовательским космическим кораблём «Рассвет» на орбите Земли. Экипаж перешёл внутрь корабля и приступил к проверке всех систем.

Таким образом начинается самое долгое и далёкое космическое путешествие в истории человечества. Экипаж «Рассвета» отправится в систему ближайшей к нам звезды – Проксима Центавра. Основная цель экспедиции – исследование планеты Проксима Центавра b, на которой теоретически возможно существование жизни.

На это путешествие им потребуется почти девяносто лет. Большую часть времени они проведут в капсулах стазиса, разработанных корпорацией «Биоквант». Это позволит им перенести столь долгое время за несколько секунд, пока для корабля и для нас пройдёт восемьдесят семь земных лет.

Помимо исследования далёкой планеты, команде предстоит собрать данные о гелиопаузе, облаке Оорта, изучить дальние уголки Солнечной системы и впервые в истории человечества изучить химический состав межзвёздной среды.

Корабль «Рассвет» оснащён уникальной системой искусственного интеллекта «Аврора», которая способна следить за техническим состоянием корабля, а также за физическим и психическим самочувствием команды.

* * *

– Добро пожаловать в комнату отдыха, командир.

Лазарев сидел на кожаном диване, закинув ногу на ногу, перед ним стоял огромный светло-голубой экран.

– Здравствуй, «Аврора». Расскажи мне, о чём ты говорила с остальными?

– Я не имею права разглашать содержание частных бесед даже командиру корабля, – ответила «Аврора». – Сейчас я буду говорить с вами и только с вами. Это нужно вам, а не им.

– Хорошо, хорошо.

– О чём вы хотели бы поговорить?

– Я думаю, о том же, что и остальные. Мне не по себе, «Аврора». Скажу честно – мне страшно.

– Я вижу.

«О, конечно же, видишь, – подумал Лазарев. – Ты всё видишь».

– Понимаешь, «Аврора», очень трудно смириться с мыслью, что мы летим вот в этой железной коробке за четыре световых года от Земли. Это же... чёрт возьми, это очень далеко! Я понимал, что будет именно так, что именно так и должно быть, но... Очень далеко. Я не могу себе этого представить. То есть мне кажется, будто всё это какая-то фантастика, сон, но мы здесь.

– Очень далеко, – согласилась «Аврора». – До сих пор ни один пилотируемый космический корабль не долетал дальше Сатурна. Вы – первые, кто покинул

Солнечную систему, и первые, кто подлетел к другой звезде. Этим можно гордиться. Это самая дорогая и самая дерзкая космическая экспедиция после высадки на Титан. Это сравнимо с полётом Гагарина.

- Гагарина ждали на Земле, - сказал Лазарев.

- Вас тоже будут ждать. Не те, кто отправлял вас, но их потомки.

- Ты на полном серьёзе веришь, что мы вернёмся?

- Такая вероятность есть, - ответила «Аврора». - Но вы сами прекрасно это знаете. Вас отправляли в неизвестность. Вероятность того, что вы сюда долетите, была очень невелика. Но вы долетели. Вы же сами говорили - помните, - что это подвиг?

Лазарев кивнул.

- Вы долетели, а это значит, что всё сработало верно. Не подвели системы корабля, не подвели расчёты, не подвели стазисные установки.

- Что верно, то верно, - сказал Лазарев.

- Но самое главное - вы, - продолжила «Аврора». - Вы очень большие молодцы. Каждый из вас. И вы, как командир, проделали невероятную работу, выложились на все сто, сделали всё как надо и даже ещё больше. Ваш подвиг продолжается.

- Ты говоришь то, что надо говорить. Да, всё так. Нужно будет сделать ещё больше.

- Вы сделаете. Вы - первый.

- Да.

- Хотите, я покажу вам море?

Лазарев вдруг оживился, его глаза заблестели.

– Конечно.

Голубое свечение стало дрожать, меняться и искривляться, и вдруг на экране появилось море.

Лазарев замер на месте с открытым в восхищении ртом.

Это было Чёрное море возле мыса Фиолент в Крыму, где незадолго до полёта Лазарев провёл бархатный сезон. Будто снова сидел на террасе гостевого домика, а совсем рядом шумело море. Огромное, цветастое, изрезанное белыми всплесками волн, оно шумело и дышало, переливалось глубоко-синим и сладко-лазурным, пенилось, разбиваясь о скалы, и сливалось с небом мягкой полосой горизонта.

– Да, – сказал Лазарев.

Вечно бы смотреть, подумал он. Вечно бы вот так сидеть и смотреть, как тогда, в Крыму, когда он сидел на террасе, и вглядывался в это море, и думал, что это должно происходить вечно.

«Аврора» молчала.

– В детстве я мечтал стать моряком, – сказал Лазарев, не отрывая глаз от моря.

– Я знаю, – сказала «Аврора».

– Я родился в Москве, а откуда там море... Читал всякого Грина, Жюль Верна, смотрел на картины Айвазовского, и всё это кино про пиратов. А настоящее море увидел только в 18 лет. Тогда впервые побывал в Крыму, и это море, чёрт возьми... А последний раз я видел море в 32 года, за месяц до начала тренировок перед полётом.

Он задумался и стал подсчитывать.

– Когда мы стартовали, мне было 34. Когда вошли в стазис, мне было 36. Получается, сейчас мне 122 года или около того?

– По земным меркам вам 122 года и четыре месяца. Вы отлично выглядите для своего возраста, – сказала «Аврора».

Лазарев усмехнулся.

Море шумело, плескалось, искрилось волнами, поглощало и умиротворяло.

Интересно, что «Аврора» показывала остальным, подумалось ему. Нойгард любит котов, наверное, она показала его дворик в Берлине с гуляющими по газону котами. А Гинзбергу... чёрт его знает, он американец, может быть, он увидел здесь какой-нибудь залитый солнцем Майами и, наверное, тоже море. Правда, там океан. Да, ему наверняка показали океан. А Крамаренко? Наверное, вид из окна поезда. Он очень любит путешествовать и обожает всякие поезда. Последний раз, как он рассказывал, он катался на поезде по Норвегии, может быть, именно это он и увидел на экране.

«Море, огромное, тёплое, доброе море, пожалуйста, шуми вечно, дыши солёной прохладой, – думал он, – и оставайся таким же, когда я вернусь. А я обязательно вернусь».

– Ваш час прошёл, – сказала «Аврора». – Я могу продлить море ещё на некоторое время, если захотите. А могу спеть Дэвида Боуи. На английском.

– Нет, спасибо. – Лазарев встал с дивана. – Пора работать.

II

Крымская АССР, город Белый Маяк

16 сентября 1938 года

14:30

- Просыпайтесь, приехали.

Введенский дёрнулся, сонно мотнул головой, резко разлепил глаза и огляделся. Он сам не заметил, как заснул в дороге. Он сидел на переднем диване; водитель, загорелый старичок с ясными синими глазами, смотрел на него и выжидающе улыбался.

Машина стояла у небольшого здания горотдела милиции; возле входа уже скучали в ожидании двое в белых гимнастёрках.

Даже в машине было чертовски жарко – Введенский почувствовал, как пот заливает глаза и слиплись волосы под фуражкой. Они стояли на мощёной дороге, из окна соседнего дома с любопытством выглядывали чумазые дети – маленькие татары, которые наверняка видят здесь такой автомобиль раз в полгода.

Совсем небольшой городок.

Ему было сонно и муторно, губы пересохли от жажды, слипались глаза, и затекла правая рука.

Вдалеке – Введенскому показалось по ленинградской привычке, что это тучи, но нет – высились огромные горы, чуть подёрнутые лёгкой дымкой. Он всё никак не мог привыкнуть к этим крымским горам, в Ленинграде всё плоское, а здесь к двум измерениям добавляется ещё и третье. И ещё труднее здесь привыкнуть к тому, как по этим горным дорогам лихачат местные водители, то ли безумцы, то ли самоубийцы, то ли просто хорошо знают дорогу – но ехать иногда по-настоящему страшно. Тем не менее он умудрился уснуть по дороге и совершенно не помнил как.

Он помнил пыльную дорогу, синие проблески моря на горизонте, дрожащие миражи и солнечные блики в зеркале.

Белый Маяк – городок между Алуштой и Гурзуфом, не такой большой, как первая, и не такой красивый, как второй. Каких-то двадцать лет назад он был обычным посёлком, береговая линия которого напоминала алуштинский «профессорский уголок» с дачами и старыми особняками, где предпочитала отдыхать интеллигенция, не любившая ялтинского шума и людной Евпатории.

Это всё, что Введенский знал о городе, где ему предстоит работать.

Он взглянул на себя в зеркало заднего вида и понял, что выглядит очень уставшим: покрасневшие глаза, бледное, почти не загоревшее на крымском солнце лицо, прядь вспотевших чёрных волос, выбивающаяся из-под фуражки, а на впалых щеках стало появляться раздражение от бритья – он здесь так и не нашёл в продаже свой крем. Он недовольно скривил тонкие губы, снял фуражку и провёл ладонью по лицу, утирая капли пота.

– Я что, уснул? – спросил Введенский.

– Как выехали из Алушты, так и затарахтели, что мой мотор, – ответил водитель. – Вот, Николай Степаныч, приехали, смотрите, вас там уже ждут.

– Да, да. – Введенский протёр глаза и открыл дверцу, чтобы выйти. – Вы же подождёте меня тут?

– Само собой, – ухмыльнулся водитель. – Мне вас ещё в номера вечером везти.

– Скажете тоже – в номера... Я даже не знаю, куда меня тут поселили.

– Да там санаторий прямо на берегу, у пляжа. Я эти места знаю, там от центра города – полчаса пешком по дороге. Там сейчас и не живёт почти никто, запустение, сезон на излёте, да и заведующего недавно посадили – воровал. Одна бабка там сейчас живёт, да вы её и не увидите, наверное. Вас ждут, – водитель кивнул на тех двоих, что стояли у входа в отделение.

– Да, да, – повторил Введенский и вышел из машины.

Двое переглянулись, выпрямились, нацепили фуражки и быстрыми шагами направились к нему.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант. Лейтенант Охримчук Михаил Сергеевич, я начальник Беломаякского горотдела, – сказал первый, приставив руку к фуражке. Он был высок, под два метра, и смотрел на Введенского свысока – краснолицый, с мясистым подбородком, маленькими голубыми глазами и морщинами в уголках губ. Наверное, много пьёт, подумал сразу

Введенский, глядя на его красное лицо и мутные, но приветливые глаза.

– Старшина Колесов. Дмитрий Иванович, – сразу же добавил хрипловатым голосом второй, тощий, загорелый и с длинным вытянутым лицом: на вид ему было около двадцати пяти лет, и он был на голову ниже Охримчука.

– Старший лейтенант Введенский Николай Степанович, следователь отдела угрозыска ГУ РКМ по Крыму, – представился Введенский. – Давайте сразу к делу, неохота стоять на жаре.

– Само собой, товарищ старший лейтенант. – Охримчук кивнул Колесову, и они направились ко входу.

В небольшом и тесном кабинете, где хватало места только для двух стульев, стола и дореволюционного дубового шкафа, тоже стояла жара – не спасало даже открытое настежь окно. Старшина остался стоять у входа, Охримчук торопливо подошёл к столу, на котором лежало несколько потёртых папок с бумагами, достал из них одну, раскрыл, бегло пробежал глазами первый листок, снова захлопнул и вручил Введенскому.

Введенский положил фуражку на стол, уселся, раскрыл папку на первой странице.

– Вот, – сказал Охримчук. – Тут все собранные материалы, их пока очень мало, но надеюсь, станет больше. Ну, раз уж из управления подключились... Главное – фотокарточки, фотокарточки. Лучше хлопните сто грамм перед тем, как смотреть. У меня, кстати, есть, хотите?

Он открыл шкаф и достал небольшой хрустальный графин.

Введенский непонимающе уставился на Охримчука, потом на папку, потом снова на Охримчука.

– На такой жаре? Издеваетесь?

– А, вы же ленинградский, – сказал Охримчук, открывая ящик стола и доставая оттуда два стакана. – Не привыкли к нашему солнышку, всё на болотах чахли...

Ну... То-то бледненький.

– Не привык, – кивнул Введенский. – Кстати, вам нельзя пить. У вас красное лицо и тяжёлое дыхание. Надеюсь, у вас ещё не было проблем с сердцем и давлением, иначе любая рюмка на такой жаре может стать для вас последней. Если уж любите пить, я бы порекомендовал ограничиться кружкой светлого пива после работы, но не больше. Очень хорошо разгружает голову после тяжёлого дня. Кстати, судя поговору, вы родом из Киева? Там на Подоле есть столовая с очень хорошим пивом.

Охримчук удивлённо приподнял бровь.

– Да, из Киева. Вы же тут сколько работаете? Неделю?

– Меня перевели в Симферополь десять дней назад, – поправил Введенский. – Это моё первое дело на новом месте. И не надо, пожалуйста, думать, что если я здесь недавно, то я не знаю своего дела. Я своё дело знаю очень хорошо.

– Я и не думаю, – удивился Охримчук, налил себе стакан и тут же выпил, неестественно поморщившись, и Введенскому почему-то показалось, что в графине не водка, а вода. – Извините, – продолжил Охримчук. – Просто, ну... Вот вы сейчас только фотокарточки посмотрите, а мы с ребятами всё это своими глазами видели. Одного стошнило, а он тут с конца двадцатых работает и татарских бандитов помнит, что они творили. Это совсем другое. Да и я ничего подобного не видел... А мне сорок пять лет, я уж всяко побольше вашего повидал. Но чтобы в моём городе такое...

Введенский вздохнул, отодвинул стул от стола, уселся, положив папку на колени.

– Знаете что, товарищ Охримчук, давайте вот это, – он кивнул на графин, – чуть попозже, а сейчас вы расскажете мне, что известно о деле.

– Конечно, конечно. Ну... Да вы же в наркомате сами всё отлично знаете. Профессор, астроном, светило науки, отдыхал тут на дачке, а его взяли и того...

– Мне это известно от моего руководства. Я хочу услышать, что известно вам.

– Как скажете. Утром 13 сентября, около половины девятого, работник почты Ахметзянов, татарин, двенадцатого года рождения, разнося утреннюю корреспонденцию, подошёл к даче профессора Беляева Андрея Васильевича. – Он выдохнул, будто устал говорить заученными фразами, и продолжил: – И увидел, что дверь в дом открыта. Обычно в это время Беляев сидел на террасе и пил кофе – он каждый день сидел там по утрам и пил кофе, – но в этот раз на террасе его не было. На оклики никто не ответил. Ахметзянова это насторожило и удивило. Он окликнул Беляева ещё несколько раз, ответа не последовало. А потом он увидел, что в кухонном окне горит свет, несмотря на то что уже было светло. Показания Ахметзянова, кстати, уже там в папочке подробно записаны, само собой, но, если захотите сами его опросить, я скажу, где он живёт. Он постоял там ещё несколько минут – надо же газеты принести, – а потом решил войти внутрь. Сначала он прошёл на кухню, где горел свет, там никого не было. Ну... А потом он зашёл в гостиную.

Охримчук замолчал, прищурился, пристально посмотрел на Введенского.

– Вы такого в жизни не видели, – продолжил он. – В гостиной он увидел профессора Беляева в одном исподнем, со вскрытой грудной клеткой и вывернутыми рёбрами. Но самое страшное... В общем, на место сердца ему вложили большую стальную красную звезду – знаете, такие, как на могилах сейчас ставят. Звезда приобщена к делу, хранится здесь, у меня – можете забрать. Самого сердца, кстати, так нигде пока и не нашли. Ну, вы фотокарточки, фотокарточки посмотрите. Ему ещё язык отрезали...

Введенский пролистал показания Ахметзянова – за следующим листом лежали пять чёрно-белых фотографий. Боковым зрением он заметил, что Охримчук смотрит на него с плохо скрываемым предвкушением.

Вытащил фотографии, взял двумя пальцами одну, вторую, третью, пристально вгляделся. Подробности убийства он уже знал – и даже больше, чем рассказал Охримчук, – но снимков ещё не видел. Рассмотрел четвертую и пятую – на последней крупным планом была сфотографирована развороченная грудная клетка профессора со стальной звездой.

– Железный вы человек, – продолжил Охримчук, в его взгляде появилась подозрительность. – Даже глазом не моргнули.

– Меня трудно испугать фотокарточками, – сказал Введенский, продолжая рассматривать снимки. – Тело Беляева в морге?

– Да, в местной больнице – её тут совсем недавно построили, это чуть выше, не доходя до шоссе, вы наверняка её проезжали. Я скажу, чтобы вас пропустили.

– Я сам пройду. С кем из местных стоит пообщаться?

– Надо бы, наверное, снова расспросить Ахметзянова – может, забыл что с перепугу, а может, и вы что заметите. Соседей, конечно. Мы их очень бегло опросили, в папке это есть, да что с них взять – в домике справа полоумный дед живёт, а слева пустой дом, окна заколочены.

– Отпечатки пальцев?

– Их много. Убийца явно не думал об этом. Но они ничего не дали – по крайней мере, здесь, по району. Мы же их сразу в райцентр отправили... Пусто.

– Может, Беляеву угрожали? Может, он с кем-то поссорился?

– Да он и не общался-то толком ни с кем...

– А кто последний видел Беляева живым?

– Да продавщица в продуктовом. Тоже в папке есть. Тут, в центре, неподалёку. Зашёл хлеба да яиц купить часов в шесть вечера. Тут же, не забывайте, темнеет рано, вам непривычно, наверное.

– Верно. Никак не могу привыкнуть.

– У вас же в Ленинграде ночью всё время светло, да?

– Только в начале лета, – улыбнулся Введенский. – Но да, светло, как днём. Зато здесь очень красивое звёздное небо.

– Здесь всё красивое, – сказал Охримчук, наливая ещё один стакан и хитро поглядывая на Введенского. – Да шучу я, шучу, здесь вода. На службе не пью. Выпейте, у вас же губы совсем пересохли. Разыграть вас хотел, извините уж.

– Спасибо. – Введенский взял придвинутый к нему стакан, понюхал и жадно выпил.

Действительно, вода.

– Слушайте, Николай Степаныч, – замялся Охримчук. – Здорово очень, что руководство прислало вас. Мы тут своими силами, боюсь, не справились бы совсем, а меня за такое горисполком мигом с должности снимет... Вы просто наш спаситель.

– Я приехал сюда не спасать вас, а делать свою работу. Ладно. – Он встал со стула, оправил гимнастёрку, сунул папку подмышку. – Сейчас мне надо осмотреть место убийства. Вы проводите меня?

– Колесов, проводи до дома Беляева, – кивнул Охримчук. – Тут недалеко, минут пять-семь идти, это прямо у обрыва. Дом красивый, ни с чем не перепутаете. Ну, такой... Сам бы в таком жил, а вместо этого в коммуналке тут с женой... Колесов?

– Так точно, товарищ лейтенант, – коротко ответил Колесов. – Пойдёмте.

Выйдя из участка, Введенский растолкал дремавшего в машине водителя, кинул папку на переднее сиденье и сказал, что вернётся через пару часов. Водитель кивнул, надвинул на глаза кепку и продолжил дремать.

Отделение расположилось у небольшого сквера с двумя скамейками, перед которым стояло двухэтажное здание горсовета, чуть поодаль – продуктовый магазин, за ним винная лавка. Они свернули за магазин и начали спускаться по узкой брусчатой улице мимо одноэтажных домиков, обмазанных известью. Татарские дети не переставали с любопытством наблюдать за ними.

Это было чем-то немного похоже на Италию, которую Введенский видел на старых открытках. Впрочем, он видел её только на открытках.

У домиков, на окнах, на ступеньках, на заборах, прямо на дороге нежились коты. Введенский ещё нигде не видел столько котов, как в Крыму.

* * *

С. СЕМЁНОВ. ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КРЫМУ, 1937 год

ГОРОД БЕЛЫЙ МАЯК

Белый Маяк стоит на Южном берегу Крыма у подножия горы Ай-Тодор, между рекой Ла-Илья и озером Ай-Ефим. До революции это был татарский посёлок Беяз-Ламбат с небольшой линией усадебных домиков. Но при советской власти поселение, переименованное в 1927 году в Белый Маяк, стало полноправным городом, где ширится и продолжается социалистическое строительство.

В ведении города – сады, огороды и совхозы, где выращивают виноград и табак. Здесь раскрывается широчайший простор для механизации труда. Широкое внедрение агротехники, стандартизация сортов и посадочных растений дадут возможность механизировать обработку садов и виноградников. Новые методы обработки уже внедряются в хозяйства.

Стоит вспомнить, каким был Белый Маяк до революции, чтобы увидеть, как значителен, как величав его путь – путь новой жизни.

Как курорт Белый Маяк продолжает развиваться. Два дома отдыха, один санаторий – это ещё только начало большого пути. Здесь открывается множество возможностей для курортного строительства.

В 1932 году здесь построен санаторий «Береговой» для работников науки и культуры. В 1933 году в городе открыт ДК им. Ленина.

В городе действует больница, построенная в 1931 году.

Белый Маяк развивается как туристический центр для отдыхающих со всей страны. Здесь работают станции для конного туризма по горным тропам. Летом

1934 года организована экскурсионная база для премированных ударников учёбы Союза.

В Белом Маяке хороший галечный пляж.

* * *

– Такой у нас городок, – рассказывал Колесов, пока они шли. – Народ спокойный, тихий. В основном татары, конечно, русских поменьше. Кстати, если от магазина пройти чуть выше, будет местный рынок, там свежие фрукты, инжир, виноград... Местные в основном рыбачат да в совхозе работают. Вы, это, не думайте, что товарищ Охримчук тут глотку заливает. Он так-то вообще не пьёт, да нервы у всех на пределе сейчас. Пошутить любит. Нас сейчас горком сильно прижал, вот и вас прислали...

– Я никогда не был в Крыму, – признался Введенский. – Только неделю назад впервые увидел Чёрное море.

– Так я и сам не местный, – ответил Колесов. – Я вообще в Подмосковье родился. В деревне Крюково. Потом в Москву поехал учиться. Ну и здесь уж оказался. У меня тут жена, сын родился в прошлом году... Тут, знаете, очень спокойно всегда было. Бандитов, недобитков белых, в начале тридцатых с концами пришибли, с тех пор тут тишь да гладь. Интеллигенции много, профессора всякие дачек тут получили от государства, живут себе спокойно. Ну, местные, конечно, бывает, жару зададут, но это такое – прибьют кого по пьяни, потом сами с повинной и приходят. А так – кражи мелкие, карманники... Но чтобы такое – такого я тут не видел. Товарищ Охримчук тут поболее моего, и тот говорит, что такого не встречал ещё.

Шли они недолго – за очередным изгибом улицы вниз стоял дом, который и впрямь было трудно с чем-то перепутать. Построенный явно до революции в псевдоантичном стиле, с двумя деревянными колоннами у входа и с треугольным портиком, он напоминал виллу древнеримского патриция из иллюстраций старой книги о Спартаке, которую Введенский читал в юности.

«Товарищ Беляев знал толк», – подумал он.

– А кто в этом доме раньше жил? – спросил он у Колесова.

– С конца двадцатых по тридцать шестой тут жил заведующий санаторием, а потом эту дачку профессор получил.

– Заведующий санаторием? Его же вроде недавно посадили.

– Ну, до него был другой. Того тоже посадили.

– Воровал?

– Воровал. Посадили, вот дачка и запустовала. Вы же знаете, как сейчас. Разбираются быстро. Слушайте... – Он пристально взгляделся в петлицы Введенского. – А зачем вас сюда-то из Ленинграда направили?

Введенский пожал плечами:

– Кадры нужны. Как видите, пригодился.

Они стояли у ворот перед короткой каменной тропинкой к крыльцу. Введенский поднял голову вверх, прищурился от жаркого злого солнца и почувствовал, как едкий пот со лба затекает в глаза. Вытер лицо, осмотрелся по сторонам – чуть поодаль, возле небольшого деревянного домика с правой стороны сидел на крыльце, опираясь подбородком на палку, маленький, совершенно лысый старичок с сухим сморщенным лицом. Он смотрел в их сторону.

– А это, – Введенский кивнул на старичка, – тот самый дедушка, о котором говорил Охримчук?

– Да, да, – сказал Колесов. – Он тут уже лет пятнадцать живёт, почти глухой, безбидный. Он странный очень. Вроде русский, приехал то ли с Брянщины, то ли из-под Калуги, а зовут его Исмаил. Ислам, говорят, принял. Делает намаз, всё как полагается. При этом ест свинину и не носит тубетейку. Почти ни с кем не общается, с ним заговоришь – а он улыбается, и улыбка у него такая беззубая, не поймёшь – поздороваться с тобой хочет или проклиная тебя. Вы с ним потом поговорите, конечно, хотя вряд ли это что-то даст.

Старик продолжал смотреть в их сторону, опираясь подбородком на свою палку, а затем вдруг приподнял голову и приветливо помахал им рукой, приоткрыв в улыбке беззубый рот.

Введенский посмотрел на старика, сунул руку в нагрудный карман гимнастёрки, нашарил смятую пачку папирос.

– Давайте постоим, покурим и зайдём уже в дом, – сказал он Колесову. – Курите?

– Спасибо. – Колесов взял папиросу, чиркнул спичкой и закурил.

Введенский тоже закурил.

Он снова посмотрел на деда – тот продолжал улыбаться и махать рукой. Он махал ровно, медленно и размеренно, будто это не ладонь, а маятник; его и без того сморщенное лицо ещё сильнее изрылось линиями морщин в этой странной улыбке. Полоумный дед, подумал Введенский и снова почувствовал, как пот заливает глаза, и в висках вдруг зашумело, точно от ветра – но ветра не было, деревья вокруг стояли неподвижно, и Введенский понял, что там, дальше, за этим обрывом – море. Наверное, это шумит море, подумал он. Огромное, чистое, красивое море, разлившееся ослепительной синевою на весь горизонт, и если он пройдёт этот дом и выйдет на террасу, то увидит его во всём великолепии. Оно будет петь и дышать, переливаться бирюзовым и тёмно-синим, закипать белоснежными волнами у скал – и, наверное, оно будет шуметь даже ещё громче, чем сейчас.

– Этот старик не в себе, – неожиданно для себя сказал Введенский, бросив окурочек на землю и затоптав его сапогом. – Пойдём уже в дом.

Гостиная профессора оказалась не такой впечатляющей, какой её представлял себе Введенский, глядя на дом снаружи. Здесь пахло пылью и табаком. Старые пожелтевшие обои, грубый дубовый стол, на котором стояла пачка книг и пепельница, забитая окурками; справа от большой распахнутой двери, ведущей на террасу с видом на море, стоял книжный шкаф, одна дверца которого открылась, и на пол вывалилось несколько толстых томов.

На изрезанном паркете посреди комнаты темнели пятна спёкшейся крови.

Введенский вспомнил фотокарточки и поморщился. Паркет изрезали, судя по всему, ножом – царапины выглядели свежими, и в них затекла почерневшая кровь.

– Мы тут не трогали ничего, – сказал Колесов. – Только убрали тело. Всё как в тот вечер. Такой же беспорядок. Видите, тут явно дрались.

Действительно, в гостиной наблюдались очевидные следы борьбы. Возле дивана стояла тумбочка с патефоном, слегка отодвинутая вбок, патефон тоже сдвинулся с места и нависал краем, чудом не упав. Висевшая на стене возле выхода на террасу картина, репродукция «Девятого вала» Айвазовского, сильно покосилась, и на обоях возле неё тоже виднелись царапины от ножа: здесь крови было больше всего.

В углу возле круглого деревянного журнального столика лежала на полу разбитая надвое белая статуэтка.

Введенский подошёл к ней, нагнулся, осмотрел.

Статуэтка из белого алебастра напоминала античного бога, вытянувшего в приветствии правую руку. На полу вокруг неё валялись маленькие белые осколки. Восстановлению она явно не подлежала.

III

Санкт-Петербург

Клиника Бехтерева, отделение интегративной фармакопсихотерапии
психических расстройств

19 декабря 2017 года

9:46

Хромов проснулся от холода и трескучего грохота отбойного молотка где-то вдалеке. Разлепил глаза и сразу сморщился от электрического света, поёжился, сжал губы. Он не чувствовал правой руки: она затекла под головой, и всё тело ломило из-за неудобной позы. За окном уже светло и хмуро, но в кабинете горел свет. Форточка открыта: видимо, поэтому холодно, и именно поэтому здесь слышны звуки дорожного ремонта.

Отвратительно, подумал Хромов. Он ненавидел, когда в дневное время в кабинете горел свет.

Из окна пахло зимней свежестью. Обычно здесь пахло сыростью и перепрелыми листьями. Видимо, сегодня наконец пошёл снег, который, впрочем, уже вечером наверняка снова превратится в чавкающую под ногами жижу.

Он не сразу понял, что заснул прямо у себя на рабочем диване. Не вставая, потянулся рукой к телефону, лежащему на полу, включил, посмотрел на время: 9:46.

В одиннадцать уже начнутся приёмные часы.

Чёрт.

Лучше бы вообще не просыпался.

Он снова положил голову на диван, не выпуская из рук телефон, и вздохнул. Разблокировал экран, глядя на него одним прищуренным глазом: четыре пропущенных звонка от жены, десять сообщений в «Телеграме».

Последнее: «О'кей, наверное, ты опять вырубился на работе. Напиши, как проснёшься».

«Да, дорогая, ты права, именно так, и именно вырубился», – подумал он, но не стал ничего писать, отложил телефон в сторону и снова прикрыл глаза.

Скоро Новый год. Он возьмёт жену и дочь, и они поедут в Волочаевку. Отдыхать от всей этой херни.

Так, нет, надо всё же вставать.

Он помнил, что засыпал с тяжёлыми мыслями. Сегодня должно быть что-то неприятное, сложное, гнетущее, что-то, с чем он одновременно хотел и не хотел сталкиваться.

Ах, да. Трудный пациент. Он должен прийти первым. Уже в одиннадцать часов.

Именно из-за него он вчера так поздно уснул. К трудным пациентам надо готовиться заранее. Особенно к таким.

Он неторопливо встал, застегнул помятую рубашку, сделал несколько шагов до кресла, нацепил на нос очки и уселся за компьютер.

Мимходом заглянул в маленькое зеркало, стоявшее на столе. Господи, ну и рожа.

В тридцать восемь лет необязательно выглядеть на пятьдесят, сказал он себе. Ну что это за короткие седые волосы с пробивающейся плешью, что за одутловатое лицо с обвисшими щеками, что за синие круги под глазами?

Хромов пошевелил мышкой, чтобы вывести компьютер из спящего режима, и увидел последнее, что он читал перед тем, как заснуть. Это был ЖЖ трудного пациента.

В 2017 году вести ЖЖ – уже само по себе признак нездорового ума. Есть же «Фейсбук», в самом деле. «Твиттер», там, «Инстаграм». Решил вернуть 2007-й, не иначе.

По некоторым постам о нём можно было бы сказать, что это вполне нормальный и адекватный человек: он рассказывал, как погулял по городу, выкладывал фотографии, ссылки на новости с остроумными комментариями – в чувстве юмора ему было не отказать – и постил клипы рэперов. По всей видимости, он любил рэп, тут был и Хаски, и Оксимирон, и смешные шутки про Гнойного.

Ещё – рецензии на компьютерные игры. Жил он с родителями, свободного времени хватало. Эдуард играл почти во всё, что выходило. Лучшей игрой

прошлого года он назвал Doom.

Обычный чувак из интернета. Только почему-то ведёт ЖЖ в 2017 году.

А ещё с ним разговаривает женщина с далёкой планеты. Она просит землян о помощи, потому что её мир подвергся нападению ужасных белых червей. Именно этому посвящена основная часть записей в его ЖЖ.

Он писал от её имени, каждый пост начиная датой и словами: «Записано со слов Онерии, певицы и актрисы, самой красивой женщины Города Первого Солнца».

Записи были совсем не похожи на то, что он писал обычно: в тягучем, красивом, выверенном стиле с пафосным слогом, похожим на Ефремова или «Аэлисту» Толстого. Можно было бы принять это за фантастический роман, но нет. В комментариях он на полном серьёзе рассказывал, что она разговаривает с ним.

«Я сплю и вижу во сне море. Совсем не такое, как здесь. Оно чужое и синее. А потом оно исчезает, и тогда мне снится оглушительный грохот, будто небо расколосось напололам; звенят медными гонгами три солнца и две луны, рушатся древние горы, кипит и бурлит океан, извергаясь громадной волной на погибающий город. Всё во сне погибает и рушится, умирает, ревёт плачущим голосом тысяч вдов и детей.

Мир погибает уже давно, а сегодня он погиб совсем.

Мы не заслужили этого.

Я просыпаюсь, но грохот не прекращается.

Ещё не открыв глаза, я слышу голос служанки: она будит меня, мечется по комнате и говорит, что пустынники опять бомбят Город Первого Солнца.

Я открываю глаза. В разбитом и почерневшем от копоти окне на фоне оранжевого неба ярко-алым горит зарево, и это не рассвет. Рассветное небо бывает здесь тёмно-багровым, иногда зеленоватым, иногда лимонно-жёлтым, но никогда не алым. Это цвет погибающего мира.

Служанка говорит, что надо поскорее бежать в подвал, чтобы укрыться от бомб, иначе все погибнут.

Я сдуваю с себя жёлтое воздушное покрывало из аэрогеля и сажусь на кровать.

Опять гремит, ещё ближе и громче, и всё внутри дрожит от ужаса; но мне надо быть абсолютно спокойной, как те хрустальные статуи жриц звёздного неба, которые разбомбили вчера утром. Тогда тоже гремело, но не так близко и не так громко, а теперь от грохота бомб содрогается пол под ногами и качаются стеклянные люстры с живыми светлячками внутри.

Я прошу у рабыни флакончик с аэрогелем и укутываюсь с ног до головы в сиреневое платье-облако. Ненавижу сиреневый цвет».

Его отправили на принудительное лечение неделю назад. В октябре он ворвался в здание Пулковской обсерватории и подрался с научным сотрудником, требуя немедленно связаться с планетой. Угрожал, что взорвёт гранату, но при обыске ничего не нашли.

Об этом много писали в новостях. Хорошо, что видео с камер так и не выложили, была бы совсем клоунада. Впрочем, на это стоило бы посмотреть.

Хромов включил электрический чайник, насыпал в грязную кружку немного растворимого кофе и снова сел за монитор. Он ненавидел растворимый кофе, но это был единственный способ проснуться.

В дверь постучали.

– Войдите, – сказал Хромов и сам удивился, насколько хриплым оказался его голос.

В проёме показалась голова Зинаиды Петровны, старшей медсестры.

– Павел Сергеич, проснулись?

– Как видите, – хмуро ответил Хромов. – Я совсем плохо выгляжу?

– Ага, – она улыбнулась.

– Спасибо за искренность, Зинаида Петровна. Я в порядке, готовьте там этого вашего... космонавта.

«Космонавт» – неподходящее слово, подумал он, надо бы пошутить остроумнее, но мозг отказывался работать.

– Да, он в столовой. К одиннадцати?

Хромов кивнул. Зинаида Петровна исчезла и закрыла за собой дверь.

Он продолжил читать.

«Я слишком хорошо помню это и не могу забыть. Я закрываю глаза и до сих пор вижу это. В грязно-оранжевом небе медленно проплывает корабль пустынников – дирижабль из мягкого непробиваемого стекла, накачанный летучим красным туманом. Он похож на сытое брюшко гигантского насекомого. Даже здесь слышно, как натужно скрипят его неповоротливые башни, ощерившиеся стволами, как лязгают шестерёнки и шипит газ, тонкими струйками вырывающийся из паровых клапанов, – значит, корабль сейчас начнёт снижение.

Ещё один такой же корабль завис в небе над торговыми рядами, а другой медленно разворачивается в сторону императорского дворца.

Пустынники, дикие безграмотные кочевники, жалкие белые черви, хватило же им ума поднять в воздух этот проржавевший хлам, пригнать к городу сотни боевых самоходов, лязгающих ржавыми шарнирами, продырявить стены из пушек, которым было более полувека, – а ещё их танки, тысячи танков, собранных прямо в шатрах посреди пустыни из откопанных фрагментов, которые остались от прошлой войны, – как, как у них это получилось?

Где армия и почему никто не стреляет по кораблям?

Я знаю, если статуя Бога Трёх Солнц упадёт – это будет конец».

Дочитав пост до конца, Хромов понял, что чайник давно вскипел. Нехотя встал, налил в кружку кипятка, размешал ложечкой – он постоянно забывал, что ложечка слишком быстро нагревается, и снова обжётся, размешивая кофе. Теперь надо подождать, когда кофе остынет. Он не мог представить, где берутся все эти люди, которые могут пить кипятков. Может, они тоже инопланетяне?

Надо написать жене, что проснулся. А, чёрт с ним, потом. Очень лень.

Хотя нет. Он достал телефон, открыл «Телеграм» и отписался: «Всё ок, проснулся, работаю».

Надо снова перечитать дело трудного пациента. Он залез в папку, перебрал несколько бумаг, остановился на нужной: да, вот оно.

Поплавский Эдуард Максимович, 1989 года рождения, родился в городе Ленинграде, учился в школе, потом техникум, потом филфак СПбГУ... Работал журналистом, но уже полтора года безработный, проживает по месту прописки с родителями.

Парафренный синдром. Фантастически-иллюзорный онейроидный синдром. Слуховые галлюцинации. Вспышки эйфории. Подозрение на параноидную шизофрению.

«Как здорово здесь было, когда ещё не было всего этого! В нашем подвале хранилось много воздушного вина, мы вдыхали его и танцевали во дворе, где в золотом фонтане плавали прозрачные рыбы... А однажды мы поехали к морю на новом поезде, самом быстром во всей Империи! Всего сорок минут – и мы уже на берегу, и тогда как раз был закат сразу трёх солнц, небо переливалось всеми цветами – это так красиво!

Мой отец говорит, что из города надо уходить. Пустынники ещё не добрались до Города Единства, это в четырёх часах отсюда на запад. Мы оседлаем механических пауков и уйдём отсюда в ближайшее время.

Всё рушится. Всё, что было построено в Империи за тысячу лет. Огромные заводы, на которых собирали механических пауков, фабрики по производству цветного аэрогеля, алмазные шахты, виноградники – всё в прах, всё в пыль, всё в труху. Железная дорога, ведущая из Города во все уголки Империи, разбита и переломана, рухнули железные арки над реками, и длинные серебристые паровозы с куполами из зелёного стекла падают под откос.

Всё в пыль, всё в прах. Весь мир – в труху».

Интересный персонаж, думал Хромов. И трудный пациент. Этот – точно будет трудным. Он чувствовал. И именно поэтому не хотел с ним связываться. Но, чёрт возьми, это должно быть интересно.

В конце концов, эту работу он выбрал именно ради интереса.

Он сделал пару глотков немного остывшего кофе, подошёл с кружкой к окну, достал из кармана помятую пачку сигарет, щёлкнул зажигалкой и впервые за день закурил, стараясь выдохнуть дым ровно в форточку.

Персонал знал, что он курит в своём кабинете, но всем было наплевать. И правильно, думал он, ни одна сволочь не запретит ему здесь курить.

Окно выходило прямо на улицу Бехтерева, где снова стояли в пробке машины. Откуда здесь пробки в десять утра? А, да. Новый год.

В конце декабря пробок всегда больше, чем обычно: люди начинают закупаться подарками и всякой едой к новогоднему столу. И они почему-то уверены, что лучший способ сделать это – покататься на машине через весь город в какой-нибудь чёртов «Ашан». Умники.

Надо купить подарки жене и дочери, точно. Только надо понять какие. И, наверное, уже продаются ёлки...

И сегодня надо всё-таки доехать домой. У дочери вроде какие-то проблемы в школе. Надо хотя бы поужинать с семьёй. Впрочем, они всё равно поужинают раньше, чем он приедет. Они всегда ужинают раньше, потому что не знают, будет ли он сегодня ночевать дома. Это нормально. Пожалуй, стоит сегодня

приехать и сделать сюрприз.

По крайней мере, сейчас всё лучше, чем было осенью.

Намного лучше.

* * *

НАПАВШЕГО НА ПУЛКОВСКУЮ ОБСЕРВАТОРИЮ ХОТЯТ ОТПРАВИТЬ НА ЛЕЧЕНИЕ

19 ноября 2017 года

Moika.ru

Следствие просит отправить невменяемого, напавшего на сотрудников Пулковской обсерватории, на принудительное лечение. Дело передано в суд.

Как стало известно «Мойке», следствие просит отправить Эдуарда Поплавского на принудительное лечение, которое ранее ему рекомендовала комиссия, проводившая экспертизу.

Напомним, ранее, 11 ноября, Поплавскому было предъявлено обвинение в хулиганстве.

23 октября Эдуард Поплавский, миновав охрану Пулковской обсерватории, ворвался в здание и применил в помещении предмет, похожий на баллончик с перцовым газом, после чего схватил старшего научного сотрудника заведения, угрожая взорвать гранату. По информации следствия, Поплавский требовал обеспечить ему связь с инопланетянами, которые якобы общаются с ним посредством телепатии и просят о помощи.

* * *

Хромов вздохнул, докурил, выбросил окурок в банку из-под кофе и спрятал её за окном.

«Как же паршиво существовать», – подумал он неожиданно для себя.

Надо налить ещё кофе и наконец умыться. И хотя бы надеть пиджак. Не встречать же пациента в одной рубашке. Тем более такого трудного.

Трудный пациент пришёл ровно в одиннадцать. Его привела Зинаида Петровна.

Он пришёл в стандартной полосатой пижаме, явно не по размеру, не для этих длинных рук и широких плеч. Высокий, худой, с аккуратными светлыми усами и остриженной бородкой. Похож на белого офицера из советского кино, подумал почему-то Хромов.

А теперь надо натянуть доброжелательную улыбку, каким бы отвратительным ни казался окружающий мир. Натянуть улыбку и включить заботливо-отцовские интонации в голосе.

– Доброе утро. Проходите, присаживайтесь. Меня зовут Павел Сергеевич Хромов, я ваш доктор.

Пациент недоверчиво обернулся на Зинаиду Петровну: та кивнула, указала ему на кабинет и легонько подтолкнула рукой вперёд. Пациент нахмурился и прошёл в кабинет, оглянулся в растерянности, не понимая, куда ему идти дальше, и уставился широко раскрытыми глазами на окно позади Хромова.

Кабинет казался мал ему, он зачем-то слегка сгорбился, будто боялся задеть головой люстру, хоть и не дотягивал до неё даже при своём росте.

Хромов показал ему рукой на диван.

– Пожалуйста. Можете присаживаться на диван, можете – в кресло. Куда вам удобнее.

Пациент нерешительно подошёл к дивану и медленно уселся на него, положив руку на спинку – видимо, так он чувствовал себя комфортнее. Тогда Хромов

заметил, что на лбу Поплавского прорезались две глубокие морщины, нехарактерные для его возраста.

– Эдуард Максимович Поплавский, верно? – с улыбкой спросил Хромов.

– Именно так, – ответил пациент сильным, басовитым голосом.

– Замечательно, очень хорошо. Как вам у нас? Как себя чувствуете?

Поплавский некоторое время помолчал, снова оглядывая кабинет, а потом таким же мощным басом ответил:

– Знаете, бывало и лучше. Кормят так себе. А ещё в столовой сейчас подошёл какой-то дед, подмигнул и говорит: «Дай мороженое доесть». А у меня нет никакого мороженого...

Поплавский как будто не хотел смотреть на Хромова: он оглядывал широко открытыми глазами кабинет, стол, пейзаж за окном, потолок, но только не его.

– А каша у вас так себе.

Хромов развёл руками.

– Тут уж мы с вами ничего не сможем поделаться. Я и сам, знаете, этой же едой тут питаюсь. А дедушка с мороженым... Что тут поделаться! Дедушка старенький, а вы вон какой молодой.

– Зато вы можете всегда съездить домой и поесть там нормальной еды.

– Ваша правда, Эдуард. Кстати, если захотите воды – вот стоит кулер, можете попить. Ну да мы не об этом сегодня будем говорить... Слушайте, а вы любите рэп, как я понял?

– Уже изучили мой ЖЖ? – усмехнулся Поплавский и впервые посмотрел на Хромова.

Взгляд у трудного пациента оказался острым, пристальным и колючим: он как будто долго не мог ухватиться за что-то взглядом, а потом нашёл Хромова.

– Решил, что следует ознакомиться. Вы очень хорошо пишете.

– Ну да.

– А знаете, моей дочери пятнадцать лет, она пишет фанфики про рэперов. Это когда персонажи...

– Я знаю, что это.

– А кто вам больше нравится, Оксимирон или Гнойный?

Поплавский снова усмехнулся. Кажется, он стал вести себя более расслабленно, отметил Хромов.

– Оксимирон, ну да. Люблю рэпчик. Это мой 2016 год. Всё лето не выходил из плейлиста. Я вообще до него не любил рэп, не мог понять, как это вообще можно слушать. А тут как-то вдруг закачало, и всё. На самом деле в последние месяцы больше слушаю Хаски. Знаете, вот это: «Я хочу быть автоматом, стреляющим в лица». Рэп – это, знаете, вообще очень здорово. Это такая удивительная русская способность: взять западную культуру про девок, тачки и бухло – и сделать из этого что-то такое, про русский космос, экзистенцию, смерть и тоску. Так было с роком, а теперь с рэпом.

Отлично, подумал Хромов, диалог налажен. Он знал о существовании рэпера Хаски, но никогда его не слушал, как и весь остальной русский рэп. Он любил «Гражданскую Оборону» и «Аукцыон».

– Да, вот что хотел спросить... – замялся Хромов. – А почему вы ведёте ЖЖ? Там же сейчас почти нет людей, мёртвая платформа.

– Потому и веду, что там нет людей. – Поплавский взмахнул рукой, как будто объяснял что-то совершенно очевидное. – Не беспокойтесь, я не настолько псих, «ВКонтакте» у меня тоже есть. Даже «Твиттер», но я туда давно ничего не пишу.

- Я не называл вас психом, - улыбнулся Хромов.

- Да ладно вам. - Голос Поплавского стал серьезнее. - Слушайте, вы долго будете меня тут держать?

- Это зависит от того, как у нас с вами пойдёт лечение.

- Вообще-то мне здесь не очень нравится.

- Понимаю, - вздохнул Хромов. - Но ваше здоровье превыше всего. Мы должны с вами хорошенько поработать.

- Пока вы тут занимаетесь ерундой, мне нужно как-то связаться с Онерией.

- Так...

Хромов поправил очки на носу, снова вздохнул.

- Так, хорошо, - продолжил он. - А как вы хотите с ней связаться?

- Очевидно, послать сигнал с Пулковской обсерватории.

- Хорошо. А зачем?

- Просто... - Поплавский замялся. - Дать ей знать, что она не одна. Что её слышали.

- Чтобы слышали. Хорошо. А почему это для вас так важно?

Поплавский наклонился вперёд, веки его заморгали чаще, речь стала быстрее, нижняя губа задрожала.

- Вы не представляете, каково это - остаться совершенно одному посреди погибающего мира. Посреди рухнувшей империи, на обломках великой цивилизации. Вокруг война, мир рушится, а ты совершенно один. И неоткуда ждать помощи. Вы понимаете... - Он заговорил ещё быстрее. - Дело в том, что

она мне говорит, я могу её слышать, а она меня – нет...

– Действительно, я бы на вашем месте решил поступить точно так же. Это стремление показывает вас как хорошего и доброго человека...

– Не надо со мной цацкаться, не надо, ради бога, бросьте вы вот это вот. Как, знаете, анекдот: это кто у нас? Гусеничка? Улиточка? Нет, доктор, это я высоты боюсь! Не надо со мной так. Я прекрасно понимаю, что вы считаете меня напрочь поехавшим, но, понимаете... – Он вдруг сделал паузу, глубоко вдохнул и продолжил медленнее: – Это ваши проблемы.

– Я понимаю, как это может быть неприятно. Знаете, буду честен: я действительно не буду цацкаться и в том числе не буду врать, что я верю вам, потому что я вам, разумеется, не верю. Но это моя точка зрения. Ваша точка зрения может отличаться от моей. Расскажите, пожалуйста, что это за место, где живёт Онерия?

Поплавский снова откинулся на спинку дивана, беспокойно оглядел кабинет, перестав смотреть Хромову в глаза, и заговорил:

– Онерия живёт – точнее, жила, пока его не разрушили, – в Городе Первого Солнца.

– Где это?

– Это на той планете... Город Первого Солнца – столица Империи, единственной на планете. Империи, завоевавшей почти все земли. Эта цивилизация непрерывно развивалась три тысячи лет. Три тысячи лет, представляете? И теперь – всё в пыль, всё в труху!

– Из-за чего?

– Из-за пустынников.

– Кто такие пустынники?

- Отвратительные белые черви. Они выглядят как сгустки белых червеобразных отростков, умеющих принимать разные формы. Они завелись в пустыне к югу от границ Империи и эволюционировали за несколько десятков лет.

- Не очень приятно выглядят, наверное.

- Да. Они тупы и жестоки. Они убивают всё, что видят на своём пути. Их цель - не завоевать. Их цель - убивать. Они очень быстро плодятся. На месте разорённых городов они оставляют свои гнёзда. Огромные гнёзда! Представьте себе: руины города, дымящиеся остовы домов, трупы, и всё это оплетают скользкие белые нити, из которых они делают свои гнёзда.

- И их никак не победить? Может, сбросить на них какую-нибудь бомбу?

- Уже - никак. Они уже разрушили столицу Империи. Это конец.

- А Онерия?

- Она сбежала из города вместе со своим отцом, его другом и служанкой. Это единственный шанс спастись.

- На механических пауках?

Поплавский опять улыбнулся.

- Зачем я вам всё это рассказываю? Вы же читали.

- Хочется услышать это и от вас. Слушайте... - Хромов замялся. - А как она с вами разговаривает?

- Мыслями.

- То есть? Что-то вроде телепатии?

- Она посылает мне мысли прямо в голову. Иногда они звучат прямо её голосом. У неё очень красивый голос, певучий, с металлическим отливом.

– А на каком языке она с вами говорит?

– Вы не понимаете. – Он мотнул головой. – Она посылает сигнал на своём языке, но она умеет трансформировать его в мыслеобразы, которые потом раскрываются в твоём сознании уже на понятном тебе языке.

Хромов сделал ещё один глоток кофе – он уже совсем остыл.

– Хорошо, – продолжил он. – А вы не задумывались, почему она разговаривает именно с вами?

Поплавский повёл плечами.

– Понятия не имею. Просто выбор пал на меня. Не думал об этом, да это и не так важно.

– Хорошо, хорошо... – Хромов задумался. – Вас тут персонал не обижает?

– В смысле? Нет, нет, всё хорошо... ваша Зинаида Петровна похожа на директора нашей школы, а в остальном всё хорошо.

– У вас были проблемы в школе?

– Можно и так сказать.

– Поговорить о них не хотите?

– Я бы поговорил об этом позже.

Хромов посмотрел в окно, потом снова на Поплавского, устало улыбнулся ему и сказал:

– Так вот, Эдуард, я сейчас скажу вам вещь, которую всегда говорю всем моим пациентам. Слушайте внимательно. В том, что вы здесь, нет ничего плохого. Как и нет ничего плохого в том, чтобы быть, как вы говорите, психом. Болезни нужно лечить. Когда у вас болит нога, вы же идёте к врачу лечить ногу? А когда болят

мозги... Моя дочь рассказывала, как учительница сказала ей, цитирую: «Вот в наше время не было никаких психотерапевтов, и ничего, выросли нормальными». Я тогда очень долго смеялся, потому что... А с чего вы взяли, что выросли нормальными?

Поплавский усмехнулся, его глаза оживились.

– Вокруг нас, – продолжил Хромов, – каждый день ходят сотни, тысячи больных. Напрочь отбитых, совершенно двинутых. Они думают, что они нормальные. Они даже не собираются лечиться. Они говорят: у меня всё хорошо, я не псих. При этом почти каждый – травмированный, с тревожным расстройством, с депрессией, с паническими атаками. Люди сходят с ума. Тихо, в своём уголке. Пограничники, биполярники, которые ничего не знают о себе. И никто об этом не знает. У тебя плохое настроение? Развейся, ты просто сам себя накручиваешь – говорят тебе. Знаете, был один парень, у него всё время было очень плохое настроение. А друзья говорили ему: да брось ты, просто надо отвлечься, сходи погуляй, и всё пройдёт. Ну, он сходил погулять в лес и повесился.

– У меня всё в порядке с настроением, – развёл руками Поплавский.

Хромов кивнул.

– И поэтому вы пошли в Пулковскую обсерваторию и стали кидаться на людей.

– Я сделал то, что должен был.

– Хорошо. – Хромов устало улыбнулся. – Пока что мы, пожалуй, закончим. Я жду вас сегодня в пять часов вечера, сделаем пару тестов и поговорим о вашем лечении. Зинаида Петровна!

Дверь открылась, и в проёме снова появилась медсестра.

– Отведите, пожалуйста, Эдуарда Максимовича в палату, пусть он отдохнёт. А потом зайдите ко мне.

Поплавский раздражённо посмотрел на Хромова, недоверчиво хмыкнул, встал с дивана и направился к выходу.

Тут Хромов вспомнил, что не спросил кое-что ещё.

- Подождите, Эдуард!

Поплавский обернулся. Хромов виновато улыбнулся и спросил:

- Я забыл самое важное узнать. А где эта планета находится?

Поплавский улыбнулся ему в ответ. Кажется, искренне.

- В системе Проксима Центавра. Поэтому там три солнца.

Когда за Поплавским закрылась дверь, Хромов перестал улыбаться и тяжело вздохнул.

Тяжело парню, подумал он. Совсем тяжело. Параноидная шизофрения, иначе и быть не может. Крепко же это в нём засело...

Он допил остывший кофе и снова поставил чайник.

Ну ничего, ничего.

Хромов решил, что начать стоит с курса препаратов, которые должны сдерживать развитие негативных расстройств и потихоньку привести парня в чувство. В любом случае, хуже не сделают. И, скорее всего, не обойтись только этим. Посмотрим, посмотрим.

Сначала - таблетки. Потом - таблетки плюс грамотная психотерапия. Потом посмотрим.

Он снова взглянул на монитор, промотал несколько постов вверх.

«В небе поднимается душное грязно-оранжевое марево, пропитанное запахом сгоревшей травы, и в этом мареве сквозь тучи едкого дыма я вижу, как статуя Бога Трёх Солнц клонится влево ещё сильнее, и ещё, и ещё.

Статуя с грохотом падает с крыши дворца, раскалывается пополам, разбивает верхние этажи и поднимает клубы серой пыли над правительственным кварталом».

За окном снова застрекотал отбойный молоток.

Хромов снял очки, закрыл глаза и провёл ладонью по лицу.

Скорее бы наступил май, подумал он. Скорее бы май. Будет отпуск, и поедем в Крым.

Глава вторая

I

Научно-исследовательский корабль «Рассвет»

20 ноября 2154 года

11:50 по МСК

– Командир, я получил первые данные.

Лазарев оторвался от экрана навигации, обернулся и увидел входящего в отсек управления Крамаренко с планшетом в руке.

– Так быстро?

– Спектральный анализ занял меньше времени, чем я думал, а изучение планеты в телескоп дало пока мало результатов.

– Уж всяко больше, чем с Земли, – сказал Лазарев. – Выкладывай.

– Планета действительно очень интересная, – быстро заговорил Крамаренко, он всегда начинал быстро и увлечённо разговаривать, когда речь шла о его работе. – Грубо говоря, она чем-то похожа на наш Марс, но, если можно так сказать... поживее.

– Поживее?

– Как мы и думали, у планеты как минимум один спутник. Подробно изучить его довольно трудно. О поверхности самой планеты судить тоже ещё трудно, но атмосфера преимущественно оранжевая, местами красноватая, довольно разрежённая. Толщина – около трёхсот километров, но в ней есть кислород – правда, судя по всему, недостаточно, чтобы мы могли им дышать. По предварительным подсчётам, около двух процентов. Шестьдесят пять процентов – углекислый газ. Ещё двадцать процентов – метан. Скорее всего, тут есть даже целые метановые облака и, возможно, метановые озера, может, океаны. Ещё десять процентов – азот. Дальше – угарный газ, аргон, неон, криптон... В общем, без скафандров там делать нечего. Плюс к тому – в некоторых областях сильная радиоактивность, поэтому место для высадки нужно подобрать с учётом этого фактора.

– Метан – это хорошо, – сказал Лазарев и снова посмотрел на экран навигации.

– Да, это повышает шансы на обнаружение жизни. Водородных соединений, впрочем, я пока не заметил. Осмотр в телескоп показал наличие тёмных пятен, но пока нельзя сказать, что это – может, моря, может, просто впадины. Может, опять же, метан.

– Воду не завезли, – тихо сказал Лазарев.

– Что?

– Ничего. Шучу. Продолжай.

– Ещё есть отрывочные данные о температуре на поверхности, но они пока предварительные, и тут высока вероятность ошибки. Судя по всему, там жарко. Температура на полюсах – около 60 градусов Цельсия, на экваторе доходит до 90. Всё это очень приблизительно, потому что мы не знаем, какое влияние может оказать атмосфера.

– Тут уж нам наплевать, мы в скафандрах, – сказал Лазарев. – Не на курорт летим. Я боялся, что там будет горячее.

– Я тоже. Но мы оказались правы: это не газовый гигант, не мёртвый кусок камня, это действительно интересная планета, и она в обитаемой зоне, и там не такие экстремальные условия, как казалось в пессимистичном варианте. И – да, шансы на обнаружение жизни есть.

– В пессимистичном варианте это был бы как раз газовый гигант, – сказал Лазарев.

– Это в самом пессимистичном. Я имел в виду умеренно-пессимистичный.

– Даже так. А у тебя был самый оптимистичный вариант?

– Разумеется. Мы прилетаем на планету, где вечные джунгли и всегда +27, приземляемся прямо на красивом пляже, и нас встречают роскошные туземки с ожерельями из ракушек, звучит латинская музыка, нас угощают ромом и сладостями. Мы нежимся на солнце, смотрим на лазурное море, пьём вино из половинок кокоса, шлёпаем по задницам загорелых туземок и не хотим никуда возвращаться. Здорово, правда?

– Очень. Как там остальные? Я жду отчетов Нойгарда и Гинзберга.

– Я видел Нойгарда, он копается в отсеке содержания первого посадочного модуля – говорит, что всё в порядке, но надо что-то перепроверить. Гинзберг в медицинском отсеке, ковыряется в компьютере. Я думаю, у них всё в порядке.

– Когда сам услышу их отчёты, поверю в это. Спасибо, порадовал. Можешь отдохнуть.

– Я сам очень рад, – сказал Крамаренко. – Серьёзно, командир, мы летим не зря. Уж поверь.

– Посмотрим. Спасибо.

Когда Крамаренко вышел, Лазарев снова уставился в экран навигации, но его мысли были о другом.

Он смог отправить в сторону Земли короткое сообщение о том, что миссия проходит в полном соответствии с программой, но не нашёл ни одного нового послания из Центра. Последнее сообщение пришло 23 года назад, оно было обращено к «Авроре», это было стандартное «Приём, подтвердите получение». «Аврора» ответила, что получение подтверждено.

И всё. Больше – никаких посланий.

Может быть, в пути появились какие-то помехи, а может быть, на Земле за это время что-то произошло.

Если об этом думать, можно рехнуться, подумал он.

Его сообщение достигнет Земли только через четыре года.

Лазарев старался не думать о Земле. Так всей команде посоветовали перед полётом психологи. Все воспоминания о прошлой жизни должны стать чем-то вроде старого кино, которое остаётся в памяти обрывками сцен, стоп-кадрами, случайными флешбэками. Именно поэтому земные картины, которые показывали в модуле психологической разгрузки «Авроры», не должны становиться в тягость. Их следовало воспринимать как красивое фантастическое кино о том, чего нет.

Иногда Лазарев говорил себе, что он умер и летит в рай. Эта мысль забавляла и помогала смириться с реальностью. В каком-то роде именно так всё и было. В конце концов, если вспомнить теорию относительности, то получается, что относительно старой земной жизни они и правда умерли и летят в рай.

Очень долго летят.

* * *

Научно-исследовательский корабль «Рассвет»

2 января 2065 года

13:00 по МСК

ВИДЕОСООБЩЕНИЕ ЧЛЕНА ЭКИПАЖА РУТГЕРА НОЙГАРДА

– Всем привет, привет, центр, давно не виделись. На связи Рутгер Нойгард. Я инженер на этом корабле и отвечаю за всякие железки. Делаю так, чтобы они по возможности не ломались и как можно дольше работали. Скоро мы пролетим через сильный радиационный фон, и с доставкой сообщений будет немного трудно. Поэтому я передаю привет моей жене Инге – здравствуй, Инга, я желаю тебе здоровья, счастья, ну и... всего такого.

Роберт, я не знаю, увидишь ли ты меня когда-то. Но ты знаешь, что я плохой отец, и мама тоже наверняка об этом говорила. Хороший отец не отправился бы в такое путешествие, да? Не знаю. Может быть, выйдет так, что ты будешь мной гордиться. Я бы этого очень хотел.

Мы миновали орбиту Марса и движемся в сторону астероидного пояса. Тут будет тяжело. Помимо астероидов, проблемой станет радиация от Юпитера – он, конечно, будет далеко от нас, но фонить будет сильно. К счастью, мы хорошо защищены.

Но самая актуальная проблема сейчас – тут, конечно, чертовски скучно. Очень, очень скучно. У каждого из нас за спиной огромный опыт космических путешествий, но когда представляешь, сколько ещё тут лететь... Ещё тридцать месяцев перед тем, как мы ляжем в эти стазисные штуковины. Честно говоря, я бы прямо сейчас туда лёг, лишь бы не видеть вечно кислую рожу Гинзберга, ха-ха... Только ему не говорите, да.

КОНЕЦ ВИДЕОСООБЩЕНИЯ

* * *

Новые данные о планете поступали каждый день по мере приближения. Лазарев внимательно вчитывался в сводки, которые каждый день составлял Крамаренко, выслушивал отчёты «Авроры», вглядывался в фотографии и зарисовки. Спустя четыре дня после выхода из стазиса планета стала ярче, она выглядела большой красноватой звездой – ярче Марса на ночном небе.

На пятый день удалось изучить спутник планеты – небольшую луну радиусом 1,2 тысячи километров, без атмосферы, с большим содержанием кремния и титана в грунте. Судя по всему – с сильной сейсмической активностью, но это ещё предстояло выяснить подробнее. О возможном наличии у планеты как минимум одного спутника говорили ещё земные исследователи, и его тоже надо изучить.

У планеты обнаружился ещё один спутник – совсем маленький, неправильной формы, состоящий преимущественно из железа. Приблизительные размеры «Аврора» оценила в 20-30 километров – вроде бы и просто камень, летающий по орбите, но в изучении космоса не бывает «просто камней».

Новые данные о самой планете подтверждали то, что обнаружил в первый день Крамаренко. В телескоп можно было уже подробно разглядеть диск – там действительно оказались тёмные пятна, похожие на моря и океаны, но по-прежнему невозможно было понять, что это на самом деле. Крамаренко сделал первые зарисовки – прототип будущей карты.

Огромное тёмное пятно расплывалось по всему северному полушарию и захватывало почти треть поверхности планеты, ближе к экватору вытягиваясь в длинную дугу и переходя в другое пятно, чуть поменьше. Крамаренко зарисовал три таких «океана» и шесть «континентов», самый крупный из которых, размером примерно с одну пятую часть планеты, омывался северным океаном в районе экватора и напоминал очертаниями шляпу. Его так и прозвали – «Шляпа». Уже сейчас Лазарев понял, что это, скорее всего, самое подходящее для поисков жизни место. Если здесь что-то и живёт – его следует искать в первую очередь на «Шляпе».

Второй по величине «континент» располагался уже на южном полюсе и имел вытянутую форму – его окрестили «Носом».

Всё это было условными набросками – континенты могли оказаться не континентами, океаны могли оказаться не океанами. Всё это выяснится позже, ещё дней через пять, когда поверхность можно будет рассмотреть подробнее. Тогда можно будет и придумать красивые названия для океанов и континентов.

Атмосфера планеты оказалась беспокойной: постоянные бури и вихри, крутящиеся в небе с огромной скоростью, сильно затрудняли изучение поверхности. Погода здесь явно недружелюбна.

Но самые большие опасения вызывала радиация. Особенно сильное излучение наблюдалось на восточной окраине «Шляпы», и Лазарев не мог понять, с чем это связано. Может быть, со вспышками на Проксима Центавра – красный карлик, вспыхивая, излучал значительное количество всякой дряни[5 - Проксима Центавра – вспыхивающая переменная звезда.], – но тогда почему радиоактивный фон на планете такой неровный? В других областях он намного ниже, на «Носе» не появлялся и вовсе, и это показалось странным.

Что-то живое нужно искать на юго-востоке «Шляпы», думал Лазарев. Оптимальная область – и с точки зрения возможного климата, и из-за низкой радиации, и из-за близости к морю, да и ветер здесь, кажется, не такой сильный. Может быть, там какие-нибудь высокие горы?

– Командир, я могу идти?

Лазарев оторвал взгляд от планшета и заметил Крамаренко, стоящего у входа в отсек управления.

– Прости, – сказал командир, протирая очки. – Я зачитался твоим отчётом.

– Уже минут десять читаешь, а про меня как будто забыл.

– Извини. Сам понимаешь, работы тут много. Это очень хороший отчёт, спасибо. Можешь идти.

Крамаренко повернулся к выходу, но потом вдруг остановился, замешкался и сказал:

– Командир...

– Да? – Лазарев снова погрузился в чтение отчёта, не отрывая глаз.

– Может, к нам в кают-компанию зайдёшь? Мы там все сидим, были бы рады увидеть.

– Да, да, – рассеянно пробормотал Лазарев. – Надо дочитать отчёт, свериться с «Авророй», ещё раз проверить курс. Зайду, конечно.

– Заходи, да.

Лазарев молча кивнул и продолжил чтение. Он не заметил, как Крамаренко вышел из отсека.

– Командир, – раздался вдруг голос «Авроры». – Я бы советовала вам всё же сходить в кают-компанию.

– Зачем? – Лазарев оторвался от планшета и непонимающе осмотрелся вокруг.

– Вы проводите с командой очень мало времени. А командный дух – это очень важно.

– Важно, кто ж спорит... Доделаю работу и зайду, куда ж они денутся.

– Командир, я советую вам всё же заглянуть к ним.

Лазарев нахмурился.

– «Аврора», у нас тут не клуб по интересам, не мальчишник, не дружеские посиделки. Мы учёные, исследователи, космонавты, у каждого из нас своя работа.

– Они не видят вас сутками, командир. Это может привести к утрате доверия и конфликтам. Поверьте мне как психологу.

- Ладно, ладно. - Лазарев отложил планшет и встал с кресла.

В кают-компании сидели все трое: Крамаренко, Нойгард и Гинзберг. На столе в этот раз было почему-то больше еды, чем обычно, даже откуда-то появился небольшой кремовый торт. Все трое весело шутили и переговаривались, но замолчали, когда в отсек вошёл Лазарев.

Гинзберг, почему-то сидевший за столом в дурацком разноцветном колпаке, при виде командира приветливо, но холодно улыбнулся.

- Что за веселье у вас тут? - спросил Лазарев. - Гинзберг, что за колпак у тебя?

Гинзберг перестал улыбаться.

- У меня сегодня день рождения.

- Вот как... - растерянно сказал Лазарев.

- Ему сегодня 127 лет, - сказал Нойгард.

- Все поздравили меня с утра, кроме тебя, - сказал Гинзберг.

- Прости. С днём рождения тебя.

- Спасибо, спасибо.

Повисло неловкое молчание.

Лазарев растерянно оглядел команду, придвинул стул к столу, сел рядом.

- Я поздравляю тебя, желаю тебе долгих лет жизни, здоровья... - замялся он. - Вот этого всего.

Молчание стало ещё более неловким.

– Серьёзно, что ж ты так, – сказал Нойгард. – До того как мы уснули в этих капсулах, ты был как-то добрее. Может, стазис что-то подпортил? Я, конечно, понимаю, важные дела и всё такое, но ты больше общаешься с роботом, чем с нами. Сутками не видим. Раньше такого не было. Раньше всегда мог подбодрить, пошутить, а сейчас...

– У меня важная работа, – возразил Лазарев. – Работа на первом месте.

– А у нас не важная? – сказал Гинзберг. – Чёрт с ним, с днём рождения, но это уже не первый раз, когда ты относишься к нам как...

– Как к деревянным болванчикам, – продолжил за него Нойгард. – Как будто нас не существует. С тобой говоришь – будто в пустоту смотришь. Слушай, мы тут сейчас все на взводе, если ты не заметил. Зачем от нас прятаться? Что-то случилось? Если честно, это как-то, ну... Напряжно.

Лазарев замолчал.

– Я не прячусь... – Он пожал плечами. – Ладно. Извините. Может быть, я неправ. Может, и сам не замечаю этого.

– Ладно, проехали. Мы тут без тебя, между прочим, обсуждали гравитацию и теорию относительности. – Крамаренко отрезал кусок торта и обратился к Гинзбергу: – Ты в курсе, например, что мы сейчас совершенно не знаем, сколько тебе может быть лет на самом деле?

– Отличные новости, – сказал Гинзберг. – Сколько же мне лет? Десять тысяч?

– Ну, это вряд ли, конечно. Правда в том, что мы не знаем, сколько времени сейчас прошло на Земле. Мы знаем, сколько лет, дней, часов с начала полёта прошло относительно нашего корабля, но время и пространство искривляются даже на сравнительно небольших скоростях – вспомни эксперимент с «Викингами» в семидесятых годах двадцатого века, – а что уж говорить о нас? Мы отсчитываем время с помощью атомных часов на борту, но это наше время. На Земле оно может быть другим.

– А сейчас попробуем узнать, – сказал Лазарев. – «Аврора», какой сейчас год и день на Земле?

«Аврора» ответила не сразу:

– Я не могу вам этого сказать. Слишком много неизвестных факторов.

Гинзберг присвистнул.

– Даже робот не знает, – сказал он.

– Мы оторваны не только от привычного пространства, но и от привычного времени, – сказал Крамаренко. – Вряд ли, конечно, на Земле сейчас наступило четвёртое тысячелетие, но, скажем так, есть такая вероятность, отличная от нуля. Впрочем, вы все проходили в школе физику и должны это понимать. А может, и наоборот. Может, мы вообще вернёмся в прошлое.

Нойгард взглянул на наручные часы.

– Как бы то ни было, – сказал он, – на моих часах полдень, и мне пора проверить состояние двигателей. Я пошёл в двигательный отсек, вернусь минут через десять. Странно говорить о времени в таком контексте, но что уж поделать... Не доедайте торт без меня.

Он встал и направился к выходу.

– Мы очень многого не знаем, – задумчиво проговорил Гинзберг. – Удивительно, насколько мы ещё глупы.

– Мы даже не знаем, что такое гравитация, – продолжил Крамаренко. – То есть серьёзно: мы не знаем, как она работает. Она двигает звёзды и галактики, атомы и нейтроны, она искривляет время и пространство, она разгоняет частицы в наших стазисных установках, замедляя время. Это сила, которая делает вообще всё. – Он обвёл руками вокруг. – Но мы не знаем, что это. Мы не знаем её природы. Сто лет назад верующим нужен был Бог, чтобы объяснить необъяснимое. Для физиков этот Бог – гравитация. Когда мы поймём, что это такое, мы сами станем богами.

– Но мы умеем совершать гравитационные манёвры, – сказал Лазарев. – В конце концов, у нас на корабле есть гравитационная установка, чтобы мы тут не плавали, как рыбки в аквариуме, и чтобы наши мышцы не превратились в студень.

– Да, мы пользуемся гравитацией, – кивнул Крамаренко. – Мы более-менее знаем, как это работает, но не знаем, почему это так работает. Пещерные люди использовали огонь, ещё не зная о его сущности. Они не знали, что это низкотемпературная плазма, у них и слов-то таких не было. Для них это было: «О-о-о, великие духи послали нам горящую ветку, мы можем принести её в пещеру и зажечь от неё костёр». Мы сейчас – те же самые пещерные люди.

– Нас забросили на этой железной болванке за четыре световых года от Земли, и чёрт знает, что теперь тут будет, – мрачно проговорил Гинзберг.

«Гинзберг, – подумал командир, – что с тобой не так, ты же всегда любил космос больше Земли, это же твоя родная стихия».

– Кажется, кому-то снова надо поговорить с «Авророй». – Лазарев попытался пошутить и только потом понял, что вышло не очень.

– Сам и разговаривай, – сказал Гинзберг. – Ты с ней вон нашёл общий язык.

Лазарев хотел было извиниться, но совершенно не знал, как это высказать. Его охватило раздражение.

– Да ну вас, – сказал он после недолгого молчания. – Нытики.

Он повернулся и ушёл. За его спиной молчали.

Вернувшись в отсек управления, Лазарев уселся в кресло и хмуро уставился на экран навигации.

Он действительно не понимал, почему вдруг стал относиться к членам экипажа так, будто их не существовало, будто это статисты или безвольные куклы. После выхода из стазиса у него появилось странное ощущение, которое он никак не мог описать. Только сейчас он понял, что сидит сутками в отсеке управления не

для того, чтобы держать всё под контролем. С этим прекрасно справлялась «Аврора».

Ему не хотелось видеть их и общаться с ними. Нойгард оказался прав.

До стазиса всё было иначе.

– «Аврора», как ты думаешь, я неправ? – спросил он наконец.

– Я полагаю, что вы неверно выстраиваете процесс общения с командой, – ответила «Аврора». – Помимо этого, они несколько озадачены такой резкой сменой вашего состояния. Нойгард сказал, что это напрягает. Он прав. Это может сильно деморализовать их. И вас тоже. В условиях столь далёкого путешествия это может стать серьёзной помехой для выполнения миссии. Вам следовало бы уделять команде побольше времени и быть к ней добрее.

– Ты права.

– Разумеется. Я всегда права.

«Конечно, ты всегда права, – подумал Лазарев. – Это я здесь дурак и совсем сдаю позиции».

– Командир! – послышался вдруг за спиной голос Крамаренко.

Лазарев обернулся. Лицо Крамаренко выглядело обеспокоенным.

– Нойгард не у тебя? – Он оглядел отсек, и его глаза стали ещё более беспокойными.

– Нет... – удивлённо ответил Лазарев. – А в чём проблема?

– Его нет в двигательном отсеке, нет в кают-компании... в спальне тоже нет.

– Тогда где он? – Лазарев нахмурился.

– Не знаю. Может, спросим у «Авроры»? Она же отслеживает нас по датчикам...

– Чертовщина какая-то. «Аврора», отследи пожалуйста, в каком отсеке сейчас находится Рутгер Нойгард.

«Аврора» ответила не сразу.

– Биометрический датчик Рутгера Нойгарда не зафиксирован на корабле, – сказала она, помолчав несколько секунд.

– Что?

– Я не знаю, где находится Рутгер Нойгард. Система слежения показывает, что его нет.

Глаза Лазарева округлились. Он вскочил с кресла и побежал к выходу в коридор, бессвязно ругаясь.

В коридоре Нойгарда не было – ни справа, ни слева. Лазарев направился в сторону двигательного отсека, Крамаренко кинулся следом.

Этого не могло быть, потому что этого не могло быть.

Чертовщина какая-то, что за чертовщина, думал он, пробегая мимо кают-компаний, мимо столовой и дальше по коридору к генераторному отсеку – там его тоже не было. Нойгарда не было в отсеке систем жизнеобеспечения, в биологической лаборатории, в комнате наблюдений – пусто, пусто, везде пусто.

Он включил громкую радиосвязь, на весь корабль попросил Нойгарда явиться в отсек управления. Без ответа.

Лазарев пробежал отсек за отсеком, комнату за комнатой – везде пусто.

– Да что за! – вскрикнул он посреди двигательного отсека. – «Аврора», что происходит? Где Нойгард?

– Я не могу ответить на этот вопрос, командир. Датчик слежения не показывает его.

Что за проклятый день, подумал Лазарев, что за абсурд здесь происходит, как это вообще может быть.

Втроём – к поискам присоединился встревоженный Гинзберг – они вернулись к отсеку управления, снова заглядывая по пути в каждую кабину. Пусто, везде пусто.

– Может быть, он в кабине стазиса? – предположил запыхавшийся Крамаренко.

– Я был там только что, пусто, – ответил Гинзберг. – Его нет нигде.

Лазарев с силой вдохнул воздух и выпустил его через сжатые губы.

Где, где, где, где он может оказаться, как это вообще могло получиться.

– Командир, – слышался из динамиков голос «Авроры». – Рутгер Нойгард в двигательном отсеке.

Все трое помчались обратно в конец коридора, снова мимо кают-компаний, снова мимо столовой, мимо генераторного отсека.

Нойгард стоял возле пульта управления двигателем с открытой крышкой и изучал микросхемы, сверяя их со своим планшетом. При виде Лазарева, Гинзберга и Крамаренко он повернул голову в их сторону и посмотрел на них непонимающими синими глазами.

– Всё в порядке? – спросил он.

– Нойгард, сукин сын. – Лазарев только сейчас понял, что еле говорил от усталости. – Где ты был?

– Здесь, – ещё больше удивился Нойгард. – Надо было проверить резервный пульт управления двигателями. Тут всё в порядке, беспокоиться не о чем. Что случилось?

- И ты не слышал меня по радио?

- По радио?

Лазарев закрыл глаза.

Сделал вдох.

С силой выдохнул.

Молча развернулся и быстрым шагом направился к отсеку управления.

Дойдя до своего места, он без сил рухнул в кресло и откинулся на спинку. Несколько минут он сидел, молчал и пытался отдышаться. Снова посмотрел на экран навигации. Ничего нового.

- «Аврора», - заговорил он наконец. - Что произошло?

- Вероятно, произошла ошибка, - сказала «Аврора».

- Ошибка? Вероятно? У меня на корабле пропал человек.

- Не пропал.

- Ты не видела его датчик. Его не было ни в одном отсеке.

- Он был возле резервного пульта управления двигателем.

- Но ты его не видела! - Лазарев сорвался на крик.

- Вам следует успокоиться.

- Я не успокоюсь, пока не пойму, что это было.

- Вероятно, произошла ошибка.

Лазарев ударил кулаком по столу перед пультом.

– Какая ещё к чёрту ошибка! «Аврора», я повторяю, у меня на корабле на несколько минут исчез человек. Это серьёзный сбой. Это проблема.

– Возможно, плохо сработала система распознавания датчиков, либо же датчик барахлит у Рутгера Нойгарда. Я запущу диагностику систем.

– Запусти. Но я верю своим глазам. Его не было нигде. Вообще нигде.

– Может быть, он где-то был, но вы его не заметили.

– Я ещё раз говорю: мы пробежали весь корабль, его нигде не было, а потом он появился в двигательном отсеке, как из воздуха, – сказал Лазарев.

– Вам необходимо успокоиться. У вас очень частый пульс и сильное сердцебиение. Пожалуйста, примите более удобную позу и расслабьте плечи.

– Ты издеваешься?

– Нет. Я выполняю свою работу.

Лазарев скрипнул зубами, запрокинул голову и закрыл глаза.

– Хотите, я прочитаю вам стихи? – сказала вдруг «Аврора».

– Читай. Делай, что хочешь.

– Мне выбрать стихотворение самостоятельно?

– Делай, что хочешь, – повторил Лазарев.

– Мне очень нравятся стихи Бориса Поплавского.

«Как тебе могут нравиться стихи, – подумал Лазарев, – ты же робот» – впрочем, какая разница, пусть читает, что хочет. Надо отдохнуть и наконец-то поспать. Он только сейчас понял, что не спал уже тридцать часов.

– Делай, что хочешь, – повторил он в третий раз и закрыл глаза.

– В чёрном парке мы весну встречали,

Тихо врал копеечный смычок.

Смерть спускалась на воздушном шаре,

Трогала влюблённых за плечо.

Розов вечер, розы носит ветер.

На полях поэт рисунок чертит.

Розов вечер, розы пахнут смертью,

И зелёный снег идёт на ветви[6 - Борис Юлианович Поплавский (1903–1935).
«Роза смерти».]

«Гинзберг прав, – думал Лазарев, – он чертовски прав – нас запустили в этой железной болванке за миллиарды километров от дома, и никто не знает, что будет дальше, – даже они, те, кто запускал, не знали, что будет дальше и будет ли хоть что-то. Даже я, командир корабля, уже не знаю, что происходит на борту. И даже “Аврора” не знает. Не знает никто».

– Тёмный воздух осыпает звёзды,

Соловьи поют, моторам вторя,

И в киоске над зелёным морем

Полыхает газ туберкулёзный.

Корабли отходят в небе звёздном,

На мосту платками машут духи,

И, сверкая через тёмный воздух,

Паровоз поёт на виадуке.

«Позади бесчисленные миллиарды километров чёрной пустоты, впереди – неизвестная планета, маленький шарик, летящий в бездну, такой же шарик, как и наша Земля, но совсем чужой. Может быть, он тоже когда-то был такой же Землёй, а может, ещё будет. Может, мы там увидим нечто невероятное, новое, потрясающее. А может быть, не увидим ничего».

– Тёмный город убегает в горы,

Ночь шумит у танцевальной залы

И солдаты, покидая город,

Пьют густое пиво у вокзала.

Низко-низко, задевая души,

Лунный шар плывёт над балаганом.

А с бульвара под орган тщедушный

Машет карусель руками дамам.

Планета выглядела ярко-красной звездой, и она приближалась с каждым часом, и с каждым днём она становилась всё больше и ярче, и вокруг всё черно и мертво, потому что это космос, он чёрный и мёртвый – и только в этой красной точке сейчас, может быть, хоть какой-нибудь смысл всего этого. Не там, на Земле, за этой чёрной пустотой, не в самой этой пустоте и не на железной болванке, в которой мы все летим в неизвестность, – а там, в этой красной точке. Что там? Никто не знает. Никто ничего не знает и никогда не знал. Точка невозврата преодолена давно.

– И весна, бездонно розовея,

Улыбаясь, отступая в твердь,

Раскрывает тёмно-синий веер

С надписью отчётливою: смерть.

Крымская АССР, город Белый Маяк

16 сентября 1938 года

15:40

Рыжий кот, толстый и кругломордый, сначала с любопытством заглянул с террасы в гостиную, а потом лениво и неторопливо прошагал внутрь, не обращая совершенно никакого внимания на Введенского и Колесова. Дойдя до середины гостиной, он неожиданно завалился на правый бок, разлёгся, выставил вперёд грязные лапы и замурлыкал.

– Сколько же у вас тут котов, – задумчиво сказал Введенский.

– Много, – кивнул Колесов.

Осматривая дом профессора, Введенский понял, что убийца не особенно пытался скрыть следы. Паркет исцарапан и изрезан ножом, в стенах остались зазубрины, а засохшие пятна крови начинались ещё в коридоре.

Скорее всего, убийца вошёл с парадного входа, и профессор открыл ему дверь сам. Драка, судя по крови и беспорядку, началась ещё в коридоре. В гостиной они дрались долго – об этом говорила и сдвинутая тумбочка в одном углу, и опрокинутая статуэтка в другом, и зазубрины от ножа; убийца, казалось, наносил удары чуть ли не вслепую, а Беляев яростно сопротивлялся. Об этом говорил и обнаруженный возле комода погнутый кронштейн для штор, которым, скорее всего, профессор пытался отбиваться.

Драка закончилась возле картины Айвазовского – именно здесь зазубрины на стене стали глубже, и здесь осталось больше всего крови: тёмно-бурые пятна расползались по всей стене.

Драка была долгой и ожесточённой, и именно это заставило Введенского крепко задуматься. Профессору было 87 лет, и на фотографиях он выглядел довольно хилым, что для его возраста неудивительно. Худой, сухой, низкорослый. Он и

ходил-то наверняка с трудом, но откуда тогда у него взялись силы оказать такое сопротивление? Взрослому и здоровому человеку хватило бы нескольких ударов, чтобы покончить с ним ещё в коридоре. Но профессор, получив рану в коридоре, умудрился ещё как-то схватить кронштейн и отбиваться им.

Либо профессор оказался мастером джиу-джитсу, либо убийца и сам довольно слаб, подумал Введенский. Может быть, убийца – тоже старик. Или женщина. Или очень больной и немощный человек. В том, что он сделал, много ярости, но мало силы.

Но смог же он как-то вскрыть грудную клетку, вытащить сердце, вставить туда звезду? Или он занимался этим всю ночь? Тоже возможно.

Введенский посмотрел на террасу, откуда открывался вид на огромное море, сверкающее белыми сполохами в закатном свете, – и почему-то подумал, что убийца выбросил нож с обрыва.

Как бы то ни было, думал он, убийца эмоционален, иррационален, и в момент убийства он ненавидел профессора до дрожи. Это слепая вспышка ярости.

Слепая вспышка. Может быть, убийца – слепой, подумалось вдруг ему. Или очень плохо видит. Это объясняло и долгую драку, и зазубрины на стене. А может, профессор смог повредить убийце глаза кронштейном?

Слишком много неизвестных факторов, слишком мало ясного.

Введенский вспомнил фотографии, вспомнил прочитанный ещё в Алуште отчёт вскрытия.

В нём говорилось, что причиной смерти стала «обширная кровопотеря и повреждение жизненно важных органов». Ему почему-то показалось, что в тот момент, когда убийца вскрывал грудную клетку, профессор был ещё жив.

Кот перевернулся на спину, потянулся мохнатыми лапами и выставил огромное белое пузо.

Введенский ещё раз оглядел комнату, пытаюсь понять, не упустил ли ничего важного. Да, конечно. Патефон. Хороший, немецкий.

Он подошёл к тумбочке с патефоном, на нём стояла пластинка. Её явно слушали совсем недавно – может быть, даже вчера, – потому что игла съехала в самый центр, оставив на диске свежую спираль царапины. Возможно, пластинка ещё долго крутилась после того, как песня закончилась. Введенский попробовал запустить патефон – завод кончился.

Сама пластинка тоже привлекла его внимание. Она была совсем новой, с блестящей чёрной поверхностью, её явно слушали от силы пару раз, а на этикетке было написано:

Carlo Buti, canzone (Polacci-Dossena)

Autunno senza sole[7 - Карло Бути (1902–1963) – популярный итальянский певец, «Золотой голос Италии».]

Ниже виднелся логотип фирмы Columbia Italia.

1938 год. Совсем новая итальянская пластинка. Здесь они точно не продаются. Откуда?

– Товарищ Колесов, – спросил Введенский, осторожно сняв пластинку с патефона. – Как вы думаете, откуда у нашего профессора новинки итальянской эстрады? Это совсем новая пластинка. Он бывал за границей? Кто-то из его знакомых?

Колесов смутился, всмотрелся в пластинку, пожал плечами.

– За границу он точно не выезжал. Хотя...

– Да?

– На параллельной улице живёт один товарищ, который вернулся из Италии весной этого года.

– Вернулся? – нахмурился Введенский.

– Он был там в эмиграции с начала двадцатых. Попросил разрешения вернуться. Разрешили, вернулся. Теперь живёт здесь.

– Ничего не понимаю. Почему я об этом не знаю? За ним вообще следят? За вернувшимися нужно вести наблюдение.

– Наблюдаем, конечно. Ну, так... – Колесов замялся. – Когда время есть.

– У меня очень много вопросов к вашему городку. Что за товарищ? Где живёт, чем занимался?

– Его зовут Александр Павлович Крамер.

– Дворянская фамилия. – Введенский ещё больше нахмурился. – Кто такой?

– Тоже учёный. Антрополог. Ему сейчас, кажется, 56 или 57 лет, после революции недолго преподавал в Москве, а потом уехал в Италию и не вернулся. Жил в Риме, в Милане, во Флоренции. Катался по Африке и Южной Америке. Никогда не высказывал ничего контрреволюционного, советскую власть принимал, просто вдруг взял и не вернулся. А теперь вот попросил разрешения и поселился здесь. Издавался в «Науке и жизни». Говорят, у него дома коллекция черепов.

– Вы серьёзно? Дворянская фамилия, эмиграция, коллекция черепов? И вы следите за ним, «когда есть время»?

– Как сказать... – Колесов занервничал. – Живёт себе и живёт, почти ни с кем не общается, как и этот... Странный немного, конечно. С иголки одевается, очень вежливый. Всегда улыбнётся, всегда осведомится о здоровье. Но, знаете, в нём, конечно, сквозит вот это барское. Но его здесь любят, засматриваются. Выглядит как иностранец из кино.

– Завтра я зайду к нему. – Введенский снова осмотрел гостиную и увидел, что солнце уже село и в небе сгущаются сумерки. – А теперь нам пора, меня ждёт водитель. Завтра очень много работы.

Работы действительно много. Первым делом нужно сходить в больницу и осмотреть тело Беяева. Опросить людей. И, в конце концов, нужно поговорить с Крамером. Крамер вызывал в нём больше всего подозрений. Куда смотрят в наркомате, почему не предупредили?

Введенский всё никак не мог привыкнуть, что в Крыму так рано и быстро темнеет. Южная ночь сваливается на тебя неожиданно, как полотенце на клетку с попугаем. Только что было видно море и горы вокруг, а теперь – только темнота, и огни ночного городка на дальнем склоне, и электрический свет в окнах домов, не грязно-оранжевый, как в больших городах, а апельсиново-жёлтый, и стрёкот ночных насекомых, но по-прежнему чертовски жарко.

На улице загорались фонари, выхватывая у темноты мутно-рыжие пятна света. Спасибо советской власти – провела освещение даже сюда.

– У вас тут жара когда-нибудь заканчивается? – спросил Введенский, выходя из дома и закуривая.

– В октябре закончится, – ответил Колесов. – Глядите-ка, а дед Исмаил всё сидит.

Введенский посмотрел на крыльцо соседнего дома – действительно, дед по-прежнему сидел на своём месте, опершись подбородком о палку, и думал о чём-то своём.

– Поговорю с ним, – сказал Введенский и направился в сторону дома.

– Уверены? Вряд ли он скажет что-то пригодное.

– У меня есть соображения на его счёт, – продолжил Введенский, не сбавляя шага.

Старик по-прежнему не обращал ни на что внимания, даже когда Введенский стоял прямо перед ним, а Колесов ждал чуть поодаль.

– Уважаемый, – прокашлялся Введенский.

Старик лениво поднял на него голову, посмотрел мутными и слегка красноватыми глазами, будто бы не на него, а сквозь, скривил лицо в недоумении.

– Уважаемый, – повторил Введенский.

Старик скривил лицо ещё сильнее, будто пытался вслушаться в то, он говорит.

– Меня зовут Николай Степанович Введенский, я из угрозыска. Вашим соседом был известный учёный Беляев, несколько дней назад его убили. Может быть, вы что-нибудь видели или слышали?

Старик раскрыл рот, его огромная нижняя губа задрожала, морщины на лбу дугообразно выгнулись. Он медленно повернулся к Введенскому правым ухом и громко переспросил:

– А?

Введенский замолчал. Осмотрелся по сторонам, набрал воздуха в лёгкие, наклонился, повторил громче:

– Я из угрозыска! В том доме, – он показал пальцем, – убили человека! Вы что-нибудь видели?

– А? – повторил старик, и его голова затряслась.

– Человека убили! – повторил Введенский. – В том доме! Видели что-нибудь?

Старик снова повернул лицо к Введенскому, посмотрел на него ничего не соображающими глазами.

– Море там! – показал он пальцем вправо.

Колесов подошёл к Введенскому, дёрнул за рукав:

– Николай Степанович, ну видите же – старик полоумный и глухой.

– Это вы кое-чего не видите, – тихо возразил ему Введенский. – А зря.

Он постоял над стариком, помолчал, подумал, зачем-то повёл ноздрями, будто пытаюсь удостовериться, что почуял тот самый запах.

– Исмаил, не придуривайтесь, – продолжил он уже тихим голосом. – Я прекрасно вижу, что вы всё слышите и понимаете. А ещё у меня хорошее обоняние, и я вижу цвет ваших глаз. Если вы сейчас не пойдёте мне навстречу, я найду того, кто продаёт вам гашиш, и он надолго уедет в Сибирь.

Старик встrepенулcя, глаза его приобрели осмысленность.

– Не надо, – сказал он таким же тихим голосом.

– Уже хорошо. А теперь расскажите, что вы помните о ночи с 12 на 13 сентября.

– Да, да... – Старик явно растерялся. – Извини, брат, я... Не надо только этого. Да, да. Я тогда проснулся ночью, часа в два, от криков. Оттуда, из дома.

Введенский кивнул и нахмурился.

– Кричал доктор, – продолжил старик.

– Профессор, – уточнил Введенский. – Других голосов не было?

– Нет, нет. Только он кричал. Страшно, громко. Кричал что-то... «Пошёл отсюда», кричал, да. «Пошёл отсюда, ты кто вообще такой». Гремело что-то, долго гремело, что-то упало, ещё слышал, как что-то разбилось...

Статуэтка, понял Введенский.

– А потом совсем жутким голосом кричал «сдохни, тварь». Очень страшно кричал. А потом, ну... потом просто кричал. Уже не словами. Кричал, мычал. Потом хрипел. Потом перестал.

– А вы что делали?

– Боялся, – честно ответил старик. – Потом, когда затихло, вышел сюда на крыльцо, посмотрел – свет в гостиной горит, но ничего не видно. Посидел тут полчаса, потом в сон стало клонить... Жуткое дело. Клянусь Аллахом, ничего больше не знаю.

– Сможете повторить то же самое под протокол?

Старик кивнул.

– Хорошего вечера. Спасибо, что помогли. Но замечу, что вы плохо знаете ислам, думая, будто он разрешает курить гашиш. Умар ибн аль-Хаттаб[8 - Умар ибн аль-Хаттаб – второй Праведный халиф (634–644).] определял все вещества, затуманивающие разум, как хамр – то есть нечто неприемлемое для правоверного мусульманина. А Шейх-уль-Ислам ибн Таймийя[9 - Шейх-уль-Ислам ибн Таймийя (1263–1328) – арабо-мусульманский теолог.] прямо писал, что гашиш, как и любой другой хамр, запрещен и за его употребление полагается сорок или восемьдесят ударов плетью. Советский уголовный кодекс более гуманный. Жить по нему намного проще, чем по шариату.

Старик молчал.

– Я не хотел напугать вас, – улыбнулся Введенский. – Вам это не грозит. Я очень благодарен вам за неоценимую помощь. Доброго вечера.

Введенский посмотрел на Колесова и подмигнул ему.

Колесов был растерян и некоторое время молчал, когда они уже шли по дороге в центр города.

– Честное слово, – сказал он. – Не знаю, как мы не догадались про гашиш. Слушайте... Откуда вы столько всего знаете?

– Много учился, – уклончиво ответил Введенский. – А насчёт гашиша – внимательнее надо быть. Вы же знаете этот запах, его ни с чем не спутать. Я ещё днём подумал, что он не совсем в ясном сознании. У вас тут много такого?

Колесов пожал плечами.

– Разве за ними уследишь? Пару месяцев назад на рынке взяли татарина, который торговал... Но где он брал, у кого закупал – не выяснили. Городок у нас, как я говорил, тихий. Но в тихом омуте, сами знаете.

– Знаю.

Дойдя до машины, Введенский разбудил задремавшего водителя, распрощался с Колесовым, попросив передать привет Охримчуку, и снова уселся на переднее сиденье.

– В номера? – спросил водитель, протирая глаза.

Введенский кивнул.

– Запоминайте дорогу, – сказал водитель. – Я сюда нечасто буду заезжать. Дорога тёмная, но ничего опасного тут нет, да и прямая, не заблудитесь.

Они ехали в санаторий «Береговой», построенный в этих краях около десяти лет назад. Введенский уже знал, что это место с трудной судьбой и ему очень не везло с начальством.

Введенскому было странно осознавать, что он будет тут совсем один, не считая какой-то старухи и сторожа. Один на весь санаторий, как царь. Совсем рядом – набережная, пляж с бетонными волнорезами и красивое море. По утрам он будет варить себе кофе, выходить на балкон и любоваться видами, а вечерами...

А вечерами он будет возвращаться домой по этой тёмной дороге. Заблудиться здесь действительно довольно трудно, но идти, судя по всему, не очень удобно. Ещё одной непривычной вещью в Крыму оказались спуски и подъёмы – где в Ленинграде, плоском, как карельская лепёшка, такое увидишь?

Дорога всё время шла вниз, иногда круто выгибаясь над обрывом, – не горный серпантин, конечно, но похоже. Введенский снова подумал о крымских водителях, которые гоняли по этим дорогам, будто вслепую, лихо заворачивая и не сбавляя скорости на опасных поворотах.

Водитель всё время молчал. Ровно гудел мотор, и впереди не видно ничего, кроме дороги, освещённой фарами: спереди, справа, слева и сверху нависала абсолютная чернота, и только по звёздам можно понять, где кончается небо и начинается море. Или это горы?

Фары выхватывали в густой черноте жёлтую полосу, в свете которой змеилась разбитая дорога.

Гудение мотора и однообразный вид убаюкивали Введенского, ему захотелось спать, как несколько часов назад, когда они ехали сюда из Алушты, но нельзя: надо думать о деле.

- Надеюсь, в санатории есть телефон? - спросил он водителя.

- У входа, в кабинете управляющего. Всё равно управляющего там нет, наверное, можете пользоваться, если он работает.

Если не работает - плохо, подумал Введенский. Нужно связаться с руководством и запросить кучу информации. Особенно о Крамере.

Они подъехали к большим решётчатым воротам и стояли перед ними несколько минут, пока сонный сторож не снял с них замок, щурясь от света фар. Четырёхэтажный санаторий выглядел довольно запущенным для здания, которому меньше десяти лет: с тех пор его явно не обновляли и не перекрашивали, краска на фасаде облупилась, по одной из колонн у парадного входа пошла трещина.

Видимо, тот, кто отвечал за строительство, тоже сел за воровство, подумал Введенский.

Когда они въехали на площадку перед входом, Введенский вытащил из багажника свой чемодан с вещами, пожал руку водителю, попрощался и вышел.

Сторож оказался совсем старик, тоже татарин, в грязной белой рубашке и совершенно лысый. Он жестом поприветствовал Введенского и указал на вход.

- Рады видеть, начальник, - сказал он. - Пойдёмте, покажу вам всё.

Введенский чувствовал себя очень уставшим и хотел только одного – поскорее лечь в кровать. Он кивнул сторожу, приветливо улыбнувшись, и пошёл за ним в вестибюль.

Внутри было грязно и пыльно, стёкла тоже давно не мыли. Электричество есть – и то хорошо.

Телефон, к счастью, работал. Отлично: утром он позвонит в Алушту и запросит всю информацию.

Для него выделили номер на четвёртом этаже, с кухней, собственной ванной и балконом. Заходя в номер, Введенский только сейчас вспомнил, что за день почти ничего не ел, но взять еды в это время уже негде.

– Утром плов делать буду, – сказал сторож, будто угадав его мысли. – Давай угощу.

– С удовольствием, – улыбнулся Введенский. – Завтра утром я бы еще хотел воспользоваться телефоном.

– Всё, что хочешь, – услужливо ответил сторож. – Ты начальник.

Введенский поблагодарил сторожа, забрал ключи, закрыл за собой дверь, включил ночник, поставил у кровати чемодан, стянул с себя гимнастёрку, сапоги и штаны, бросил на тумбочку фуражку, рухнул на кровать и тут же уснул.

Ему снился огромный лес с высокими деревьями, на которых росли вместо шишек и ягод стальные красные звёзды с надгробий. Деревья уходили кронами высоко в небо, земля под ногами зеленела от сырого и мягкого мха, и трещали пересохшие ветки, когда он наступал на них сапогами. Звёзды висели на деревьях, играя яркими солнечными бликами на стальных гранях, – кажется, они чуть-чуть, еле слышно звенели, и где-то далеко в глубине леса раздавалась музыка.

Танго на итальянском языке.

Музыка становилась всё громче и отчётливее, и Введенский открыл глаза, увидел над собой потолок номера, освещённый ночной лампой, и понял, что это не снилось ему. Танго продолжало играть.

Он сел на кровати, помотал головой – нет, точно не снилось. Музыка раздавалась откуда-то снаружи, с открытых дверей балкона.

Он вышел на балкон, всмотрелся в темноту, туда, где шуршало и пенилось ночное море.

Танго играло с берега.

– Что за чертовщина, – сказал он вслух.

Бросился к кровати, быстро влез в галифе и рубаху, натянул сапоги, нашарил в чемодане карманный фонарик, вытащил из кобуры ТТ и проверил патроны.

Снова вслушался в музыку. Да, именно танго, именно на итальянском. Быть не может.

Быстрым шагом направился к выходу, побежал по коридору, спустился по лестнице вниз.

В вестибюле за стойкой управляющего спал сторож. Хорош сторож, подумал Введенский, проходя мимо него. Впрочем, за закрытыми дверями музыки почти не было слышно.

Он вышел наружу – музыка стала громче. Включил фонарь, спустился по крыльцу на площадку перед санаторием, побежал к воротам, открыл задвижку, выбежал на пляж, приставив руку с фонариком к пистолету.

Огляделся по сторонам, поводит фонариком влево, вправо, вперёд. Никого. Музыка играла где-то справа, судя по всему, уже совсем близко.

Он аккуратно и медленно пошёл на музыку, ощупывая темноту лучом фонарика, временами поглядывая вправо и влево, оборачиваясь назад – вдруг кто подбирается сзади – и стараясь ступать осторожно, чтобы вслушиваться в

каждый звук.

Но он не смог услышать ничего, кроме музыки и мягкого шороха ночного прибоа. И его собственных шагов.

Источник звука долго искать не пришлось. Патефон стоял на гранитном парапете набережной.

Введенский снял ТТ с предохранителя, замедлил шаг, снова осмотрелся с фонариком по сторонам – никого. Подошёл к парапету, заглянул вниз, на галечный пляж, осмотрел его – тоже никого.

Пахло тиной и сыростью.

Приблизился к патефону – песня уже близилась к концу. Тщательно осветил, осмотрел. Зажал фонарик в зубах, протянул руку к патефону, очень осторожно, будто в осиное гнездо, и быстрым движением снял иглу.

Музыка замолчала, жужжание патефона смешалось с шорохом прибоа.

Введенский снова огляделся вокруг с фонариком. Никого.

Он застопорил патефон и посмотрел на пластинку ближе. Это всё тот же Карло Бути, песня называлась *L'ultima sera*. Та же фирма Columbia, 1937 год.

Патефон советского производства, с клеймом наркомата лёгкой промышленности, не тот, что у профессора – у того был немецкий.

Введенский понял: тот, кто поставил эту пластинку, скорее всего, всё ещё здесь. Прятался где-то неподалёку и наблюдал.

На его месте он бы тоже прятался где-нибудь и наблюдал.

Ему стало не по себе.

Он снова осторожно огляделся вокруг с фонариком, выхватывая из темноты в жёлтом свете кромку каменистого пляжа с маслянисто блестящими волнами, ступеньки вниз, парапет, брусчатую набережную, скамейки, клумбы, пальмы, снова набережную, снова парапет, бетонный волнорез и опять пляж.

Никого.

Только море шумело за спиной.

Введенский почувствовал, что лицо его вспотело, провёл по нему ладонью, почувствовал набухшие от напряжения вены на лбу.

Какой-то бред.

– Подними руки и выходи! – выкрикнул он в темноту неожиданно для себя.

Молчание.

– Я знаю, ты здесь, – продолжил Введенский.

Тишина.

«Глупости, – подумалось ему. – Меня видно здесь с фонариком, как на ладони, а он может прятаться в этой темноте сколько угодно. Может быть, уже и ушёл давно».

Он постоял так ещё пять минут, пока фонарик не стал светить слабее – кончился заряд. Остаться здесь в полной темноте ему не хотелось.

Введенский, продолжая оглядываться по сторонам, вытащил у патефона ручку, воткнул её в держатель, закрыл вместе с пластинкой, защёлкнул, взял под мышку, держа в свободной руке фонарик, и направился к санаторию.

Оказавшись в своём номере, он включил везде свет, осмотрел комнаты, закрыл двери на балкон.

Патефон оставил у входной двери, рядом с обувной полкой.

Спать ему больше не хотелось. Часы показывали половину пятого.

III

Санкт-Петербург

Клиника Бехтерева, отделение интегративной фармакопсихотерапии
психических расстройств

21 декабря 2017 года

11:05

– Расскажите мне ещё об этом Городе Первого Солнца. Мне интересно.

На второй день Поплавский выглядел, кажется, более дружелюбным. Синяки под глазами не такие глубокие – наверное, он начал высыпаться, думал Хромов. Ещё бы не начал после таких таблеток.

Поплавский сидел более уверенно, он больше не оглядывался в беспокойстве по сторонам, но всё равно нервно постукивал пальцами по спинке дивана.

Хромов чувствовал себя уставшим, хотя день ещё только начался. Последние недели он никак не мог избавиться от чувства постоянной усталости. Выходные не помогали. Долгий сон не помогал. Он крутил в руке шариковую ручку и иногда постукивал ей по блокноту.

– Я мало знаю о его истории, – заговорил Поплавский. – Известно, что это самый крупный город Империи и всей планеты и ему много тысяч лет. Он очень красивый. Его узкие улочки вымощены белым мрамором. Дома – огромные, красивые, с сияющими колоннами. А на площади перед императорским дворцом

раньше стоял газовый фонтан в окружении стеклянных скульптур. В любое время года он источал аромат весенних цветов в разноцветном тумане. Вы хотели бы увидеть это?

- Хотел бы, - кивнул Хромов. - Я правильно понимаю, что эта, м-м... цивилизация напоминает Древний Рим, как если бы он дожил, скажем, до начала XX века?

Поплавский быстро закивал.

- Да, да. Когда я слушал рассказы Онерии, у меня была точно такая же ассоциация. Колонны, виллы, императоры - и вместе с этим поезда, огнестрельное оружие...

- Механические пауки, - добавил Хромов. - Кстати, что это за пауки?

- Это нечто вроде наших машин. Только без колёс. С ногами. То есть механические пауки, да... Они передвигаются на них верхом.

- А вы вообще хорошо знаете историю Древнего Рима?

- Да. - Поплавский улыбнулся. - Очень любил в детстве кино про римлян, книги читал.

- Почему именно Рим вызвал такой интерес?

- Не знаю, - пожал он плечами. - Красиво.

- И, как я понимаю, любите читать фантастику.

- Да.

- А что из фантастики больше всего любите?

- В детстве прочитал «Марсианские хроники» Брэдбери, «Аэлиту» Толстого... Чуть позже очень полюбил Ефремова.

Всё как и ожидалось, подумал Хромов. Угадал. Только о Брэдбери не вспомнил, да, на него это тоже похоже.

– В детстве... – Он задумался. – Вы говорили, что наша медсестра Зинаида Петровна напоминает директора вашей школы.

– Да. Такая же неприятная.

– У вас связаны плохие воспоминания со школой?

– Мягко говоря.

– Почему?

Поплавский заулыбался и опустил голову, молча разглядывая собственный носок.

– Слушайте, я ваш психиатр, вы можете быть со мной откровенны. Ничего из того, что вы скажете здесь, не узнает больше никто.

– Да я бы и сам не прочь об этом выговориться, конечно... – Поплавский выпрямил голову и стал рассматривал стенку за спиной Хромова.

Хромов поймал себя на том, что хочет напористо спросить: «Ну, ну?»

– В школе меня травили, – сказал Поплавский. – Ну, знаете, как это бывает. Чо такой умный, чо на всех свысока смотришь, а вот мы выбросим твой рюкзак в женский туалет, а потом надаём тебе по морде после уроков.

Хромов кивнул и нахмурился.

– Я вырос в Купчино, среди панельных многоэтажек, – продолжал Поплавский. – А в школу я поступил в конце девяностых, сами знаете, что за время, и всем было наплевать на образование. Мелкие ублюдки нюхали клей, курили, дрались, пытались показать, кто из них круче. И отыграться на тех, кто слабее. Меня мутузили руками и ногами. Я быстро понял, что лучше прослыть психом, чем лохом. И прослыл психом, спустил пару ублюдков с лестницы, когда они стали

опять задирать меня. Директор школы обвинил меня в том, что я – я! – он ткнул себя пальцем в грудь, – навожу ужас на всех нормальных детей. Что я агрессивно себя веду. Что я провоцирую и задираю их. Я!

Хромов молчал и кивал. Подобные истории были ему знакомы.

– Понимаете? Пока они несколько лет задирали меня, издевались над другими, это сходило им с рук. Мол, спортивные пацаны развлекаются, ничего страшного. Ну, задирают ботанов, ерунда, чепуха. Стоило мне защитить себя – на меня повалились все шишки. Эта старая тварь покрывала малолетнюю гопоту в своей школе.

Лицо Поплавского стало жёстче, он начал говорить быстрее и громче:

– Я был ботаном, очкариком, я был тем, кого можно пнуть, толкнуть, оборжать, плюнуть в тарелку. Мелкие ублюдки, сбивающиеся в стадо, – это омерзительно. Но ещё омерзительнее, когда им покровительствуют взрослые. Взрослые! С самого детства тебе долбят по голове: слушайся взрослых, они умные. Слушайся взрослых, они авторитетные. И что? Да ни хера! Я увидел, что взрослые – это старые жирные твари, готовые покрывать любое дерьмо, лишь бы оттоптаться на слабых и сохранить свою жопу в тепле. Я ушёл из этой школы и ни о чём не жалею. Я надеюсь, что все они сдохли и горят в аду.

Хромов вздохнул.

– Ваша история, к сожалению, мне очень знакома. Вы не один. Люди справляются с этим опытом по-разному, но вы молодец, что однажды взяли и постояли за себя. Для этого требуется внутренний стержень. Он у вас есть. Знаете, у меня дочь, ей пятнадцать лет – ну да я говорил об этом... Я всегда говорю ей, что взрослых слушаться не обязательно. Что не все взрослые умны. Не все справедливы. Мне очень нравится, как она растёт. Знаете, сейчас растёт очень хорошее поколение, и оно мне нравится. Надеюсь, им придётся лучше, чем нам или вам.

Поплавский молчал, лицо его всё ещё было напряжено, и он по-прежнему смотрел в стену за спиной Хромова.

– Хорошо, давайте поговорим конкретно о вашем общении с Онерией, – сказал Хромов. – Когда впервые она вышла с вами на связь?

Поплавский ответил сразу, не раздумывая:

– 15 ноября 2016 года.

– То есть вы общаетесь уже год?

Поплавский молча кивнул.

– Как это случилось? При каких обстоятельствах?

Поплавский слегка улыбнулся уголком рта.

– Хотите докопаться до травмирующих обстоятельств? Выяснить, что привело меня к тому, что я поехал крышей? Насилие, потеря близкого, шокирующее происшествие? Нет. Она просто стала говорить со мной. Ночью 15 ноября. Я засыпал у себя в кровати, и она стала говорить.

– И что она говорила?

– Она рассказала, что её зовут Онерия. Она живёт в Городе Первого Солнца. Она дочь воина из императорской гвардии. Пишет стихи, поёт песни и выступает на сцене. И что её город окружён пустынниками и скоро падёт.

– Как вы ощущали это? Это был голос?

– Нет, нет... – Поплавский снова заговорил быстрее и замахал руками. – Я же рассказал вам, почему вы ничего не помните... Это мыслеобразы. Я не слышал это. Оно появлялось в моей голове. И оформлялось в моих мыслях её голосом. Слово за словом, фраза за фразой... Как будто просто впихиваешь в другого человека свои мысли. И они появляются в голове.

– Примерно понимаю. То есть вы осознаёте, что это происходит сугубо в вашей голове?

– Ну конечно! Это же очевидно! Было бы странно, если бы я слышал её голос – тогда бы его слышали и другие, верно?

Хромов перестал крутить в пальцах ручку и на секунду запнулся. Он не знал, что сказать. Ему показалось, что это действительно самая логичная мысль – даже ему в голову такой бы не пришло.

– Эм... Да, тут уж вы точно правы, – сказал он после недолгого молчания.

Поплавский наклонил голову вперёд, и его голос стал ещё быстрее и сбивчивее.

– Знаете, через несколько месяцев я стал понимать, зачем она это делает. Точнее, догадываться. Я могу быть неправ. Но мне кажется, что она просто использует мою голову, – он постучал указательным пальцем по виску, – как дневник. Просто записывает сюда все свои мысли, чтобы не забыть. Чтобы оставить их хоть в чьей-то памяти. Рассказывает, что с ней происходило, и записывает прямо сюда. – Он снова постучал по виску. – Понимаете? Как в дневник или... как на диктофон.

– И поэтому вы решили записывать это в ЖЖ?

– Да. Чтобы это точно не забылось.

– А как, по-вашему, она, м-м... Записывает свои мысли в вашу голову?

Поплавский пожал плечами.

– Не знаю. Может, у неё есть какое-то специальное устройство. Может, на их планете эта способность в порядке вещей.

– И вы никак не можете ей ответить?

– Нет, конечно. Я же не умею посылать свои мысли в чужие головы.

Тоже логично, подумал Хромов. Удивительно логично.

– Как часто она с вами разговаривает?

– По-разному. Было время, когда говорила каждый вечер. В основном это вечером или по ночам. Иногда – раз в неделю.

– А сейчас?

– С момента госпитализации она не говорила со мной.

– А что она говорила вам, когда вы отправились в Пулковскую обсерваторию?

– Она говорила, что осталась совсем одна. Что ей страшно и одиноко. Слушайте, я понимаю, что это звучит дико. Доктор, правда, я понимаю, почему я здесь. Я прекрасно осознаю, что меня считают психом. Это нормально, что вы не готовы в это поверить. – Голос Поплавского задрожал. – Но, чёрт возьми, чёрт... Просто это всё настолько стройно, настолько правдиво, настолько реально и настолько красиво.

– Красиво?

– Да. Очень красиво.

– Как Древний Рим?

– Ещё красивее.

– Как Рэй Брэдбери?

– Ещё красивее.

– Как Ефремов?

Поплавский почесал подбородок, тяжело вздохнул, скривил губы и зло посмотрел на Хромова.

- Вы ничем не сможете мне помочь, - сказал он, помолчав несколько секунд. -
Слушайте, мне пора домой. Давайте я уже пойду.

Хромов молча покачал головой.

- Не могу. Я должен вам помочь. Хотя бы попытаться.

- Мне не нужна ваша помощь.

- Когда вы признаете, что вам нужна помощь, вам станет намного легче.

- Я сейчас ударю вас.

Хромов посмотрел на Поплавского и заметил, что тот прищурился, а на его лице заиграли желваки. Кажется, он не шутит.

- Это лишнее. Пожалуй, наше время истекло. Зинаида Петровна!

- Извините. Вспылил.

Судя по тому, что Поплавский стал растерянно оглядываться по сторонам, он пожалел о своих словах.

- Ничего страшного. Но нам действительно на сегодня стоит закончить этот разговор.

Когда Поплавский ушёл, Хромов закурил прямо за столом, не подходя к раскрытому окну. Этот разговор вымотал его. Подобных пациентов он не встречал давно.

Его смущало, что в словах Поплавского прослеживается железная логика. Его не сокрушить нелогичностью бреда - его болезнь стройна и логична. Слова, мыслеформы, образы. Пустынники. Механические пауки.

Парень начитался в детстве фантастики. Случилось что-то, из-за чего он выдумал себе фантастический мир и стал воспринимать его как реальный.

Школьная травля, конечно, тоже дала о себе знать – такие вещи не уходят из головы до конца жизни...

Он докурил, поставил чайник, снова залез в ЖЖ Поплавского, промотал несколько постов вверх.

«Появились безумцы, кричащие о конце времён; их глаза горели ненавистью, вокруг них собирались толпы, и они говорили о том, что мир погибает и всем пора это принять, погибнув вместе с ним.

На стенах домов они рисовали звезду о пяти концах – её называли Могильной Звездой, которая взойдёт над огромным курганом погибшего мира.

“Грядёт, грядёт Могильная Звезда! – кричали они. – Кровавый свет её выжжет наши глаза и испепелит наши тела! Никто не спасётся, так примем смерть под Могильной Звездой! Убивайте себя, пока она не сожгла нас, так она говорит! Неужели вы не слышите громоподобного голоса Могильной Звезды?”

И те, кто слышал это и верил им, убивали себя: вскрывали кинжалами грудь, травились горькой настойкой пустынных грибов, прыгали с крыш.

Город погибал и сходил с ума в преддверии скорой смерти».

Чайник забурлил, вспенился и щёлкнул.

Хромов снова насыпал в кружку кофе, залил кипятком, достал ещё одну сигарету и опять закурил, подумав неожиданно, что, кажется, уже совсем обнаглел – да и так много курить не очень полезно для здоровья.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гелиосфера – область околосолнечного пространства, в которой плазма солнечного ветра движется относительно Солнца со сверхзвуковой скоростью.

2

Наблюдаемый в галактиках газ движется с очень высокими скоростями. Это говорит о высокой степени турбулентности газа в межзвёздной среде.

3

Местное межзвёздное облако (Local Interstellar Cloud, LIC) – облако размером примерно в 30 световых лет, через которое в настоящее время движется Солнечная система.

4

G-облако (или комплекс G-облака) – межзвёздное облако, расположенное рядом с Местным межзвёздным облаком.

5

Проксима Центавра – вспыхвающая переменная звезда.

6

Борис Юлианович Поплавский (1903–1935). «Роза смерти».

7

Карло Бути (1902–1963) – популярный итальянский певец, «Золотой голос Италии».

8

Умар ибн аль-Хаттаб – второй Праведный халиф (634–644).

9

Шейх-уль-Ислам ибн Таймийя (1263–1328) – арабо-мусульманский теолог.

Купить: https://tellnovel.com/pelevin_aleksandr/chetvero

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)